

Дмитрий Раков

16+

Вкус ЭМОЦИЙ

Дмитрий Александрович Раков

Вкус Эмоций

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32524312

SelfPub; 2018

Аннотация

Цикличность? Серые дни? Однообразная кутерьма повседневности? От этого есть средство. И лишь сумасшедший поможет вам в его поисках.

Не бойтесь того, что ваша жизнь должна окончиться;
бойтесь того, что она так и не начнется.

Джон Ньюмен

Пролог

Все вокруг было абсолютно неправильным.

Сидя в углу пустой палаты старой психиатрической лечебницы, Ким прислушивался к малейшему подозрительному звуку. Серые стены давили на него с непреодолимой силой и сжимали до размера молекулы. Может, ничего не произойдет, и медсестра вообще забудет число 36? Как же выбрать-ся?

Прошло две минуты. Никакого шума. Даже свиста бушующего за окном ветра в этом жутком месте не было слышно. Будто все вокруг накрыло одеяло густой, непреодолимой тишины. Казалось, что ее даже можно попробовать на вкус или раздвинуть руками. И это уже начинало надоедать.

Шаг.

Это было неожиданно. Ким даже подпрыгнул от внезапности.

Еще один.

Стук ярко красных каблуков доносился из коридора, на противоположном конце которого находилась дверь, ведущая в палату Кима. Цокот каблуков цвета крови приближался. Ким знал, что они именно такого цвета, ведь они подходили к палате 36 каждый вечер. И каждый вечер ему прихо-

дилось преодолевать невыносимые муки. Ким нервно вжался в угол, надеясь пройти сквозь стену, влиться в холодный бетон и остаться там навеки, только бы эти каблуки не дошли до номера 36.

Шаг за шагом Она приближалась. Вот уже проплыла мимо палата номер 30. Осталось немного.

Что делать?

Первая стадия в таких ситуациях – паника. Ким весь дрожал от страха, как осиновый лист. Казалось, даже пылинки на полу поднимались от вибрации его тела, а со стен опадала побелка. Страх будто наполнял своим холодным дыханием каждую клетку тела.

Номер 32.

Следующая стадия – отрицание. «Этого просто не должно происходить! Это не я попал в эту ситуацию, а кто-то другой! Сейчас я проснусь, и потом посмеюсь над своим дурным сном!» – эти мысли промелькнули в голове Кима за доли секунды. Но ни он, ни даже кто-то другой не проснулся. Все происходило именно с ним, здесь и сейчас.

Номер 34.

Последняя стадия – принятие. Все казалось очевидным и неизбежным. Как можно сопротивляться, если сделать ничего нельзя? Придется только сидеть и ждать, когда все произойдет. Может, станет легче? Поскорее бы это закончилось.

Номер 36.

Каблуки прекратили свой будоражающий ритм, как будто

стучит метроном, отмеряя адский темп. Цифры 36 криво висели на двери, ведущую в палату, где сидел, скорчившись, Ким Сталлен.

В твердый металл двери постучались. Небольшое окошко со скрипом отворилось, и одинокий луч света полоснул по глазам заключенного.

–Мистер Сталлен, откройте двери, и мы начнем лечение, – раздался слащавый голосок медсестры.

«Держись», – прошелестело то ли в голове, то ли откуда-то из-за стены.

«Хрена с два я ей открою», – подумал Ким. Он еще сильнее забился в угол, если это вообще было возможно, и что-то несуразное буркнул в ответ. Из-за двери снова раздался голос:

–Мистер Сталлен, я буду вынуждена использовать ключ, – и в доказательство в ржавый замок почти беззвучно вошел холодное железо. – Откройте дверь самостоятельно – лучше будет! – провернувшись три раза вокруг своей оси, ключ замер на мгновение и вышел из отверстия.

–Я вхожу внутрь!

Дверь беззвучно пришла в движение, и, громко ударившись о стену коридора, остановилась. Грохот от удара гулко отразился от стен холла психиатрической лечебницы №7.

В проеме стояла медсестра, держащая в руках журнал больных. На голове кокетливо и немного скошено набок сидел медицинский чепчик, халат, перетянутый поясом, обле-

гал тело, а на ногах красовались туфли с пятнадцатисантиметровым каблуком. Как она только не падает?

Строгим взглядом медсестра обежала комнату. Ее глаза остановились на жалком комочке жизни, что назывался Ким Сталлен.

– Уйдите вон! – как-то слабо и неестественно высоко пропихнул Ким.

– Этого требует моя работа. Ничего не поделаешь. Ваш курс лечения нужно выполнять, – пожав плечами, невозмутимо ответила сестра. Повернувшись к Киму спиной, она достала из стоящего сзади вагончика лекарств шприц и капсулу с какой-то мутной жидкостью и отломала верхушку. – Сейчас станет легче, – приторно пообещала она. Ким выпученными глазами следил за малейшим движением медсестры.

Ударив своим острым коготком по шприцу и выпустив из него лишний воздух, сестра резко обратила свой взгляд на Кима.

– Сидите смирно, и я проведу всю работу быстро, – строгим и тихим голосом произнесла она. Ким сморщил лицо. Он не хотел сдаваться, но что же делать? Если он не согласится на укол добровольно, то его заставят два здоровенных амбала, что стояли на входе в больницу. А этого Киму абсолютно не хотелось.

Мистер Сталлен медленно и с опаской протянул медсестре руку.

– Вот и славно! – тут же заулыбалась она. – Я знала, что вы молодец.

Эта фраза прозвучала неестественно сладко, да так, что Ким сморщился еще сильнее. Медсестра только шире заулыбалась. Она подошла к Сталлену и помазала спиртом кожу на внутренней стороне локтя пациента. Еще раз внимательно посмотрев на содержимое шприца, она поднесла иглу к глазам. Струйка лекарства вяло взлетела из шприца в воздух и беззвучно приземлилась на пол. Как же все паршиво.

Игла вошла в руку Кима, как будто проходила сквозь подтаявшее масло. По вене мгновение спустя потекло «лечащее» лекарство. Хотя последнее надо было еще доказать.

Голова у Кима закружилась от невероятной боли, как и в сотнях раз до сегодняшнего дня. Боль растекалась от руки до груди, а потом уже и по всему телу. Она одновременно приводила в чувство, отрезвляла, но была настолько сильной, что Ким чуть сразу не потерял сознание. Через мгновение боль превратилась во что-то очень вязкое, тягучее и противное. Все вокруг начало шататься, а взгляд медсестры показался безумно злым и жестоким. Заключение покорно и обессилено опустил нос в пол. Глаза слипались, и казалось, что чертова медсестра уплывает куда-то далеко-далеко, а комната обволакивает Кима вместе с его страхами. Краски сгущались, а свет из окошка давил на зрачки. Через мгновение мистер Сталлен ушел из своего сознания и переместился в мир грез.

А на улице загорался рассвет.

Глава 1

На улице только загорался рассвет, а по площади, небрежно крутя в руке пакет с фруктами, уже шел мужчина лет тридцати семи. Коричневый в клетку пиджак, застегнутый наполовину, развевался на ветру. Лакированные, тщательно вычищенные парадные туфли красовались на ногах, брюки были немного помяты, а рубашка не заправлена внутрь, что говорило о весело проведенной ночи. Из пакета в руке выглядывали мандарины и небольшой потрепанный выпускной альбом. Под глазами висели тяжелые мешки. Но, тем не менее, человек улыбался.

Его звали Руперт Стоун. Фамилия не подходила ему, как если бы вы назвали камнем воду. Руперт был мягок и покладист по своему характеру, всегда помогал, если кто-то нуждался, и был внимателен ко всем вокруг.

Мистер Стоун вприпрыжку приближался к своему дому. Ночь он провел на 20-тилетнем юбилее сбора выпускников, а сейчас спешил к дочке. На душе было спокойно и радостно от всех воспоминаний о юности, что переполняли его. И как они с Беном подорвали петардами школьный туалет, из-за чего чуть не вылетели из школы... правда, все обошлось штрафом родителей на круглую сумму. И как его запихали полуголым в раздевалку девушек ради забавы. Все смеялись

тогда так злобно, а сейчас казалось, что это были такие веселые деньки, и обида уже превратилась в смех. После этого Руперт, однако, не стал позже пользоваться у девушек большей популярностью во времена студенчества. Правда, и ему было не до них.

Хорошо, что он встретил Салли, девушку своей мечты. А встретился Руперт с ней при очень странных, но таких банальных обстоятельствах... Он, порой, сам поражался, какая череда случайностей произошла, только бы они встретились.

В общем, Руперта жизнь устраивала. Он имел почти все: и дочь, и квартиру, и работу в банке, за которую довольно неплохо платили. Стоун был счастлив в настоящее время.

Лихо вскочив на последнюю ступеньку крыльца своего подъезда, Руперт обернулся лицом к улице. Веяло прохладой, росинки свисали с травинок, фонари еще горели, а за домами алел рассвет. Прохладный ветер тихо завывал в кронах деревьев, отчего казалось, что они пели. Все было прекрасно.

Стоун улыбнулся миру и вошел в подъезд. Перепрыгивая через две ступени, как школьник, Руперт прискакал к двери своей квартиры, на ходу второпях достал ключ и тихонько всунул его в замок.

Квартира была объята тишиной. Только в дальней комнате сладко сопела Карен.

Стараясь не разбудить свою любимую дочь, Руперт снял пиджак, аккуратно поставил на пол коридора пакет, снял

туфли и осторожно прошел в спальню дочери.

Карен лежала, укутавшись одеялом, и сладко спала. Однако, когда Руперт вошел, она резко обернулась, уставилась на него, словно впервые его видела, а мгновение спустя на ее лице засияла улыбка.

– Как прошла ночь? Надеюсь, ничего страшного? Много было твоих старых друзей, облысевших сильнее, чем ты? – игриво сказала дочка Руперта, с улыбкой выстреливая вопросы один за другим. Карен всегда улыбалась. Эта девочка пятнадцати лет, казалось, никогда не грустила. «Оптимизм у нее в крови», – так говорил всем отец. – «Салли оставила это, как наследство», – горько добавлял он.

Салли Стоун умерла от рака поджелудочной железы, когда Карен было четыре года. Дочь тогда, как ни странно, понимала, что происходит, и день похорон ее матери был единственным днем, когда девочка плакала. С тех пор Карен старалась улыбаться как можно чаще. Вероятно, она думала, что мама так бы хотела.

Руперт слабо, но счастливо ответил улыбкой, и, даже не раздевшись, рухнул на кровать, стоящую рядом с кроватью дочери. Подпрыгнувшее одеяло накрыло его с головой, а когда оно опустилось, Руперт уже крепко спал после бурной ночи.

– С тобой не соскучишься, – саркастически рассмеялась Карен. Она нехотя встала с постели, заботливо поплотнее накрыла одеялом отца и пошла в душ.

Прохладная вода освежила Карен, и она уже бодрая прошла на кухню. Терпкий запах свежесваренного кофе наполнил всю квартиру в мгновение ока. Сегодня было воскресенье, никуда не надо было спешить, и можно было просто целый день посидеть у телевизора с чашкой кофе и атрофировать себе мозги. Нет ничего прекраснее!

Карен с этими мыслями допила свой кофе, надела зеленую легкую куртку и ботинки и неторопясь вышла на улицу.

Начинали чирикать птицы: еще слабо, но все сильнее и сильнее; это чириканье перерастало в ритмичный гул, такой характерный для позднего лета. Живности на улицах почти не было. Только изредка попадались кошки или собаки, лениво передвигающиеся поближе к теплым солнечным местечкам.

Рядом на дороге уже начинала собираться пробка, а Карен, не обращая на это внимания, продвигалась вдоль улицы. Размеренный такт бега успокаивал ее, вокруг проносились улочки, детские площадки, небольшие садики и жилые дома.

Как же хорошо утром воскресенья! Можно пойти куда пожелаешь, в какую угодно сторону и всегда найти что-нибудь интересное. Через четыре квартала Карен нашла кое-что действительно странное.

Подбежав к местной психиатрической лечебнице, Карен увидела удивительную картину: через металлический забор больницы перелезал мужчина в белой сорочке. Мужчине было лет сорок пять, на ногах не было даже тапочек, а сам он

зацепился за пику забора своей сорочкой и отчаянно пытался разорвать ее в этом месте. Но что-то у него не очень это получалось.

Карен страшно заинтересовала эта картина. Девочка никогда не уходила прочь от странностей, даже если они и могли представлять собой опасность. Она подошла ближе, запрокинула голову вверх и с блистательной улыбкой нарочито четко и громко сказала:

– Удивительное утро, не правда ли?

Мужчина на заборе даже подпрыгнул от неожиданности. Это его и сгубило. Горе-пациент с грохотом сорвался с забора, а его сорочка с оглушительным треском порвалась чуть ли не на пополам. Не издав ни писка, он кубарем упал на сырую землю. Лишь звук рвущейся ткани и удивленный вскрик девочки раздались эхом по залитой утренним солнцем и наполненной прохладой пустынной улице.

Карен уже смеялась. Какое, правда, удивительное было утро!

Мужчина вскочил, отряхиваясь. Его сорочка порвалась и была грязной от колен до груди, а сам он выглядел самым смущенным и несчастным человеком на земле. Его взгляд был устремлен в землю, а руки нервно потирали друг друга.

– Извините, – пробормотал он.

Карен еще сильнее рассмеялась:

– Извиняться? Что вы! Это я должна перед вами извиниться, ведь вы упали из-за меня. Может, если бы не я, ваш план

побега бы и удался, – и она, прищурив глаза, посмотрела на незнакомца.

Мужчина на секунду испуганно перевел взгляд с земли на Карен, но тут же снова опустил голову вниз. Прикинув все, что сейчас произойдет, он осознал, что сопротивляться бесполезно.

А Карен уже радостно и с энтузиазмом нажимала на кнопку звонка сбоку от калитки. Из динамика рядом послышалось единственное слово, произнесенное с самой презрительной интонацией, которую только можно издать:

–Да?

–Ваш пациент сбежал, – улыбаясь, выкрикнула Карен. Она посмотрела на беглеца. – Как ваше имя, мистер?

–Ким, – смущенно ответил мужчина. Он все еще стоял, понуриив голову, а из динамика сразу же раздался оглушительный женский вопль:

–ОПЯТЬ?! Да сколько можно? Уже третий раз за неделю!

Ким коварно ухмыльнулся:

–Четвертый.

Через десять секунд входные ворота открылись, и Ким вместе с Карен вошли внутрь. Навстречу им уже бежали два медбрата атлетического телосложения, а между ними еле поспевала молоденькая медсестра на высоченных красных каблуках. Ее рот был перекошен, тонкие, аккуратно подведенные брови нахмурены, а темно-синие глаза ядовито смотрели на Кима.

–Поставить решетки на окне мистера Сталлена! – повелительно сказала сестра своей свите, как только они подбежали к месту происшествия. Те одновременно кивнули. Медсестра повернула голову к Карен. Все ее движения были резкими и отчетливыми. – Спасибо вам! – она едко улыбнулась. – Этот негодник постоянно убегает. Ему, видите ли, не нравятся наши методы лечения! – сестра презрительно хмыкнула, провожая взглядом унылого Кима, гонимого к лечебнице подзатыльниками чуть ли не пинками.

–Понимаю. Ему же станет только лучше от вашего лечения, ведь правда? – заботливо и настороженно спросила Карен.

–Да, конечно, – произнесла медсестра, следя за тем, как дверь больницы медленно захлопывается за почти сбежавшим пациентом, но тут же перевела взгляд на девочку, – Я же забыла представиться! Будем знакомы: Марго Боун.

Марго поднесла руку к Карен. Что-то в этой медсестре отталкивало девочку, но что, Карен никак не могла понять. Поэтому она с опаской пожала протянутую руку и представилась в ответ из вежливости.

–Карен Стоун. Очень приятно, – сквозь зубы процедила она.

–И мне! – энергично затрясла руку медсестра. – Но пора уходить, работа зовет! Больные начнут буйнить без начальства.

–Конечно, конечно, – Карен поспешно отпустила руку

Марго. Та немного прищурила глаза.

– Ваше лицо мне кажется знакомым, Карен, – с подозрением сообщила она.

– Не думаю, что мы когда-то встречались, – поспешно ответила в свою очередь девочка. Она не хотела оставаться в этом месте надолго, хоть ей медсестра тоже показалась знакомой.

Они все же распрощались. Зайдя за угол неподалеку стоящего дома, Карен с удивлением наблюдала, как в окне лечебницы какой-то грузный мужчина орет на бедного пациента. Выглядел этот человек весьма недружелюбно.

Все-таки, удивительное утро. Только по воскресениям бывают такие происшествия. В остальные дни все куда-то спешишь, никого и ничего вокруг не замечаешь, кроме поставленной перед собой цели. Так и вся жизнь промелькнет.

Карен все думала о произошедшем и даже не заметила, как пришла обратно к своему дому. Поднявшись на свой этаж и встретив соседку снизу, Карен открыла входную дверь.

Изнутри пахло запахом имбирного печенья и по-профессиональному заваренным крепким черным кофе. Отец уже встал с кровати и нехотя пожевывал завтрак, читая утреннюю газету. Когда Карен вошла, он с лукавой улыбкой спросил:

– Где же ты была?

Руперт, выслушав историю повеселевшей Карен, был от-

нюдь не весел. Скорее, он был взволнован и возмущен.

—Он мог быть опасен! — почти прокричал обеспокоенный отец после окончания рассказа дочери. — Он же из психушки!

Карен улыбающимися глазами посмотрела на отца. Он выглядел таким смешным, когда волновался о ней. А волновался он очень много.

—Успокойся, прошу! Все обошлось! Тем более, я ведь сразу позвонила охране этого заведения. Ничего и не могло произойти, — уверила она отца.

Нахмурившись, Руперт согласился. В ответ он пробурчал что-то вроде «могло и произойти» и вернулся к утренней газете и завтраку. Карен же не хотелось есть.

Она оставила отца в одиночестве и пошла в спальню, заправила постель и улеглась на диван, хватая пульт. По телевизору не было ничего интересного. Вот всегда так в воскресенье! Смотреть было нечего и незачем.

Да и из головы Карен не выходило утреннее происшествие. Как же комично он выглядел, этот Ким Сталлен.

Ким Сталлен сейчас выглядел отнюдь не комично. Проведя выговор почти сбежавшему психопату, глава больницы уперся глазами в сжавшегося от напора взгляда пациента. Начальник всегда был чем-то недоволен. Казалось, что эта

грузная масса мяса и жира только и умеет, что хмуриться да на всех кричать.

– Ты хоть понимаешь, что могло бы случиться, если бы ты сбежал? Ты представляешь, куда бы пошел? Может, у тебя вилла на Канарах есть? – тихим и свистящим шепотом, полным ненависти, произнес глава больницы. – Еще раз я увижу подобную выходку, и... – начальник запнулся. И правда, что же он может сделать сумасшедшему? Выгнать его из больницы? Отменить лечение, которое и без того бесплатное? Через секунду складки на лице начальника разгладились. – ...и я отменю тебе десерт! Это минимальное наказание, но будь уверен, пострашнее я тебе позже придумаю!

Как бы ни странно это звучало в повседневной жизни, эта фраза повлияла на Кима. Он еще больше согнулся, еще сильнее уставился глазами в пол и пробормотал:

– Да, господин начальник.

Ким очень ценил десерт в этой больнице. Да все его ценили. Это было самое вкусное и самое натуральное, что здесь могли предложить. Остальное же меню состояло из пережеванной резины, называемой "мясом", и порошковой картошки.

Глава больницы самодовольно ухмыльнулся, увидев понурившегося пациента, и велел отвести Кима в его палату. Медбратья грубо схватили мистера Сталлена и небрежно потащили по полу. Ноги Кима заплетались, не хотели идти, поэтому они просто волоклись за ним, оставляя длинный гря-

зевой след. «Да уберите же здесь кто-нибудь!» – громким басом раздалось позади.

Лечебница была устроена весьма просто, но продумано. На первом этаже находились худшие отбросы общества – люди, которые уже давно сошли с ума и теперь то кричали, то бегали безумными глазами по своей палате, то лезли на стены, а часто все вместе и сразу. Остальные этажи располагались в порядке уменьшения буйности больных: на втором этаже располагались почти такие же, как и на первом – безумцы; на третьем были более-менее спокойные пациенты, а на четвертом почти осознанные люди, среди которых большая часть находилась здесь по собственной воле.

Именно из-за такого расположения этажей лечебница получала дополнительные деньги, когда в психбольницу заходили проверяющие: крики мучающихся от голосов в голове и галлюцинаций больных на первом этаже впечатляли их, а затихающие стоны пациентов сверху добавляли жалости.

Управляющего психиатрической лечебницей звали Смит. Никто не знал его второго имени, да оно и не нужно было. Смит был огромным шарообразным телом, состоящим преимущественно из жира. Он очень гордился тем, что сам придумал такое расположение этажей, и при случае всегда это упоминал. На каких-либо собраниях или светских встречах всегда уделялась минутка обсуждения его гениальности.

Как бы то ни было, Кима тащили на четвертый этаж. Сталлен, хоть и не сидел здесь по собственной воле, просто не

мог уйти отсюда. Его история, как он попал сюда, была всеми забыта, кроме него самого. Когда его спрашивали, он говорил всегда разные истории, и вскоре все запутались и забыли, почему он здесь. Вел Ким себя почти пристойно, если не учитывать его помутнения рассудка.

Все началось с кратковременных потерь памяти, как все думали. Каждый день он просыпался и шел на работу, обедал в ресторане неподалеку и обратно приходил домой. Но как только он возвращался, мужчина терял себя. Его видели множество людей, как он в ночной рубашке стоял на краю моста, как он плавал в городском пруду, как он бегал от полиции с криками «не пойман – не вор». Но каждое утро Сталлен просыпался в своей постели, и все начиналось заново.

Сам он говорил, что не помнит ничего из происходящего с ним ночью, и на вопросы отвечал, что это просто человек, похожий на него. Но как-то раз он очнулся на дереве в парке, и с этих пор Сталлен, похоже, сам поверил, что у него помутнение рассудка.

В больнице был выходной день. Воскресенье – лучший день для служащих в лечебнице, а значит, и для самих постояльцев этого заведения. В этот день открывались двери палат, и каждый больной мог вдоволь нагуляться по коридорам больницы. Хоть это была и не очень приятная и живописная прогулка, однако это, все-таки, лучше, чем сидеть в четырех стенах наедине со своими мыслями. Каждый гулял с улыб-

кой на лице (иногда пугающей, жутковатой), то здесь, то там раздавался смех, а по углам теснились психопаты с украденным тайком алкоголем (в разумных количествах, конечно). Им это спускали с рук: все равно они никуда не денутся, а лишняя порция расслабления может им даже помочь.

Было непонятно, почему все улыбаются. Просто в воскресенье было хорошее настроение у всех. Наверное, это была компенсация за суровые трудовые, мрачные будни.

Однако, бывает так, что в воскресенье не удастся ничего. Все валится из рук, а неудача подстерегает на каждом шагу. Такой день был у Марго.

Маргарет Боун, главная медсестра, пребывала в скверном настроении. У нее был не самый лучший выходной: ее муж не поздравил ее с 33-хлетием, больной почти сбежал из лечебницы, а начальник сократил ей зарплату за это. В общем, день не удался.

Сидя в красном кожаном кресле в углу курилки, Марго зло потягивала сигарету. Она знала, что сегодня на ком-нибудь отыграется, даже почти придумала план мести и вынашивала его в своем мозгу, словно детище. Большие синие глаза бегали по помещению, а из ноздрей струйками валил дым от тонких, приторно сладких, сигарет с ароматом клубники. В этот момент она была похожа на огнедышащего дракона, затевающего нападение на мирное поселение.

Марго была неплохим работником. Она была пунктуальна, строга и непримирима. Каждый конфликт заканчивался

в ее пользу, после чего она со слащавой победной улыбочкой уходила из комнаты, где только что был спор.

Боун гордилась своим положением главной медсестры. Ее уважали подруги (хотя в тихую они подшучивали над ней, что ей и самой пора на лечение), платили больше остальных, слушались больные. Но главное – она могла по праву командовать всеми, кто стоял ниже нее по рангу, чем она в свое удовольствие пользовалась. Марго нравилась власть.

Как ни странно, у Кима Сталлена было хорошее настроение. План побега почти удался, а ведь только на прошлой неделе он даже не смог выбраться из дверей лечебницы. Было только одно «но»: сегодня что-то произошло. Чувствовалось, что произошло что-то нужное, и это нужное может изменить его жизнь.

Ким зашел в курилку, чтобы расслабиться. Сразу на него ядовито уставились темно-синие глаза Марго Боун. Пепел от сигареты упал ей на колено, и она тут же вскочила, отряхнулась и опять презрительно начала смотреть на пришельца. Наступила минута напряженного молчания, которую прервал наш пациент.

Ким наклонил голову набок.

–Я почти убежал, – медленно сказал он, наслаждаясь и смакуя фразу. На каждый слог у медсестры подрагивала скула на лбу. – Если бы не та милая девушка, я бы убежал, – уточнил он. Глаза его сощурились, а лицо расплылось в удовлетворительной улыбке.

На этом Марго взорвалась. Подлетев к Киму, она схватила его за воротник, оттолкнула к стене и закатила тираду. Запах клубничных сигарет ударил в нос Сталлену, но он, лишь ухмыляясь, спокойно смотрел на Боун.

– Ты жалкое ничтожество! – почти кричала Марго. – Если бы не та милая девушка, – сказала Маргарет, подражая голосу Сталлена. – ты бы сейчас лежал на асфальте в виде мешка костей, сбитый грузовиком, который вел какой-нибудь пьяный идиот! – каждое слово Марго было отчасти верно. Ведь кто знал, что натворит сбежавший из психиатрической лечебницы больной, и что с ним произойдет. – Как ты не понимаешь, что находишься здесь, чтобы ни ты не причинил вреда окружающим, ни окружающие тебе, ни ты сам себе!

Улыбка сошла с лица Кима к великой радости Марго. Он исподлобья смотрел на медсестру, которая чуть ли не плакала от злости. Маргарет все продолжала кричать и кричать, срывая прокуренный голос, и Ким почти не разбирал слов. Закончив свою тираду, она кинула уже потухшую в ее руке сигарету в пепельницу, промахнулась и резко вышла. Алые каблукы мелькнули за углом коридора, и Ким остался в полном одиночестве.

Сталлен простоял в недоумении еще минуты две. Давно на него не кричали так сильно. В ушах все еще слышались выкрики Марго «идиот» и «сбитый грузовиком болван». Еще парочка нецензурных выражений крутились в его голове, которая гудела от громких криков.

Сев на ближайшую скамейку, он спокойно достал сигарету и поджег ее кончик. Как ни странно, в лечебнице разрешилось курить всем и каждому. В конце концов, говорят, что курение снимает стресс, а в психиатрической лечебнице это чуть ли не самая главная нужда.

Медленно затягивая толстые сигареты, Ким все рассуждал, что бы было с ним, если бы он сбежал. Куда бы он пошел? Ведь у него никого не осталось. Семьи у Сталлена не было, родственников уже тоже. Как же все пессимистично. Колечко дыма вырвалось изо рта Кима и бесшумно «разбилось» о потолок. Сзади послышались шаги.

В курилку зашла дама лет шестидесяти. Она периодически закрывала левый глаз и прихрамывала на правую ногу. Одета она была в кофточку мягко розового цвета и коричневую длинную юбку. Ее голова уже почти полностью покрылась паутиной седины, а морщины испещряли уголки глаз.

–Здравствуй, Сара.

Женщина кивнула и мягко улыбнулась.

Сара Фрид обладала добродушной и безобидной натурой. В больнице она находилась по претензии собственной дочери, которая увидела, как ее мать разговаривала с телевизором в полной уверенности, что диктор новостей, к которому она обращалась, ее слышит.

–А ты все еще не бросил курить, – прошелестела Сара. Ее голос напоминал шум листьев осенью, когда ветер задевает верхушки деревьев. Тихий, спокойный шелест.

–Сама видишь, – лениво ответил Ким. Сара была его самой лучшей собеседницей в психиатрической больнице. Находилась она в соседней палате от Кима, а значит, преград для общения практически не было. Стены были тонкими, и громкости обычного голоса хватало, чтобы слышать друг друга.

–Ты бы бросил это дело, – грустно ответила Сара.

–Извини, но не могу, – так же грустно ответил Ким. – Это уже привычка, и с этим ничего не поделаешь.

–Ну, как знаешь. Я не могу управлять твоим сознанием, чтобы ты перестал каждый день приходить сюда. Я... – Сара в протяжении почти половины минуты смотрела в одну точку полностью лишенным осмысленности взглядом, не произнося ни слова. Ким небрежно проследил за направлением ее глаз, но как всегда не нашел чего-либо необычного на стене, куда смотрела Сара. С ней это случалось постоянно, так что Ким за девять лет знакомства уже почти привык к ее постоянным «уходам из этого мира».

–Я бы хотела тебе сказать, что твои выходки сказываются не только на твоём пребывании здесь, – заявила она серьезным тоном, отойдя от ступора. – но и на пребывании всех больных. Ты же знаешь правила: один врач раздражен – всем пациентам плохо.

–Да, да, знаю этот ваш КПП, «Кодекс Правильного Психопата», – отмахнулся Сталлен. – Но я не могу ничего поделать. В последнее время я просто не могу оставаться здесь, –

вздохнул Сталлен. – Мне надоело находиться в этих душных ограничениях белых стен! Надо отсюда выбираться!

Сара только скромно покачала головой.

А тем временем уже подходило время обеда.

Глава 2

Уже было время обеда, когда в квартире Руперта и Карен воцарилось молчание. Тишина повисла в воздухе. Легкое, но в то же время вполне ощутимое напряжение ощущалось в отношениях между отцом и дочерью. Все время с утра до этого они только и делали, что спорили насчет того, стоило ли Карен выходить рано утром из дома, и что бы смог сделать отец, если бы был на ее месте. В конце концов, пришли к тому, что Карен не представляла, что это может быть опасно, а Стоун-старший сделал бы то же самое.

Мясо заманчиво шипело на сковороде. Масло кипело, яростно обрызгивая всякого подошедшего к сковородке, а кусочки мяса радостно подпрыгивали от высокой температуры. Паста уже была приготовлена, и Руперта притягивал опьяняющий аромат, доносящийся из кухни. Он уже давно простил Карен хотя бы за то, что она так хорошо готовит его любимое блюдо.

–Как же люблю свою дочурку, – уже спокойным голосом сказал он, обняв Карен сзади и поцеловав в затылок. Карен улыбнулась.

– Не злишься на меня? – по-детски спросила Карен, насупив нос.

– Я никогда не умел злиться на тебя, – блаженно, под влиянием пленяющего запаха пасты, будто извиняясь за свою грубость, проговорил он и сел за стол. Карен накрыла скатерть, открыла бутылку красного вина отцу, и они вместе молча съели все, что она приготовила.

После сытного обеда Руперт сразу ушел заниматься воистину важными делами: послеобеденным сном. У Карен же сна не было ни в одном глазу. «Что же сейчас происходит с тем мужчиной? Надеюсь, все хорошо», – думала она, пока читала роман, который посоветовала ей подруга. Но предложения никак не хотели оставаться в ее мозгу, буквы путались перед глазами, поэтому Карен захлопнула книгу и просто откинулась на спинку кресла.

Ким проводил глазами уходящую подругу и сам встал со скамейки. Время обеда значило, что сейчас будут раздавать еду в столовой, а это пропустить нельзя было никак. А то как же еще получать энергию, хоть и мизерную, для жизни в этом проклятом месте?

Направляясь к помещению столовой, он прогонял в голове уже новый план побега.

На обед не было ничего нового. Есть можно было только

пудинг, потому что все остальное состояло либо из крахмала, как картошка, либо из непонятной субстанции, которая должна была зваться жареной фасолью. Это уже начинало раздражать. Как хорошо, что время летит с безумной скоростью в этом Богом забытом уголке мира.

После обеда всех пациентов ждал тихий час. Но Ким не спал. Он все тщательно пробежал по всем ступеням предстоящего плана.

Карен стало скучно. Руперт после того, как проснулся, немного посмотрел телевизор, немного почитал книгу, немного поработал на компьютере. Ничего нового или особенного, что может произойти в оставшийся вечер воскресенья. Только часов в шесть он уехал на встречу с коллегами и сообщил, что пробудет там до вторника.

Карен вышла на улицу. Если честно, ей уже все это порядком осточертело: однообразные будние дни, выходные, постоянная работа по дому, школа, уроки и т.д. Все наскучило, надоело. Руперт даже начинал говорить одни и те же фразы, когда приходил с работы. Чаще всего он повторял «как же я тебя люблю», «ты у меня лучше всех», «надо бы купить тебе новые вещи в школу», «какие у тебя оценки» и его коронное – «что у нас будет на ужин».

Когда умерла мать Карен, все обязанности по дому пере-

шли к ней. Отец просто не мог справиться со всем этим: организм мужчины не способен выдержать таких нагрузок, думала Карен. По крайней мере, он так говорил, когда они спорили насчет того, кто следующий моет посуду. Девочка начала учиться готовить с пяти лет и к началу первого класса знала уже рецепты более полусотни блюд наизусть. Отец гордился ей.

Карен победно выбросила последний мешок мусора в бак неподалеку от ее дома и вздохнула с облегчением. Уже было около шести, и все свободное время было только в ее распоряжении. Почему бы и не прогуляться?

Карен прошла двор и вышла к парку. Никого не было вокруг, только иногда деревья скрипели, покачиваясь под дуновением ветра. Так странно было видеть мир без людей, как будто никого не осталось, кроме Карен. Она на мгновение представила, что так и есть. Девочке не очень-то понравилось. Глубокий вздох вырвался у нее из груди.

Вечерняя пробка на дороге напомнила ей об утреннем событии, и Карен невольно улыбнулась, отвлекшись от грустных мыслей. «Интересно, как он там, этот мужчина по имени... Ким, кажется», – подумала она.

Пройдя интуитивно до конца улицы, как и в прошлый раз, Карен наткнулась на ту же психиатрическую лечебницу №7. Девушка сама не поняла, как здесь оказалась, и даже немного удивилась.

Через решетку забора было видно небольшое серое зда-

ние, расположенное посередине пустыря. Со все углов больницы располагались небольшие пристройки, а в центре напротив калитки находился вход. Большая черная металлическая дверь скрывала за собой десятки умалишенных, безумных, сумасшедших людей, не способных существовать в нормальном обществе.

Неожиданно дверь легонько приоткрылась, и оттуда показалась лысоватая голова Кима Сталлена, которая тут же шмыгнула обратно в проем двери.

– Похоже, я опять сорвала его план побега, – рассмеялась Карен. Она помахала рукой похоже напуганному Киму. Было комично наблюдать за тем, как он снова старательно пытается подглядеть, не ушла ли она.

Ким Сталлен, лежа на кушетке в своей палате, в последний раз повторил для себя весь план побега. Сейчас воскресенье, он уже утром пытался сбежать – никто бы не подумал, что пациент опять соберется это сделать, тем более, этим же вечером.

Когда стемнело, Ким вышел из своей палаты, сославшись на то, что хочет покурить. Шкафообразный надзиратель сначала подозрительно посмотрел на него, но, все-таки, выпустил из комнаты. Проводя Кима в курилку, надзиратель сам достал сигареты и начал похлопывать себя в поисках зажи-

галки. Но тщетно, ведь Ким незаметно вытащил ее из заднего кармана его брюк. Ким достал свою зажигалку и протянул ее своему освободителю.

–Спасибо, – буркнул тот и дал ладонь. Ким в это время сам протянул руку с зажигалкой к лицу надзирателя, тем самым говоря, будто он хочет, чтобы тот закурил из его руки.

Надзиратель наклонил голову, чтобы дотянуться до руки Кима.

Дальше действия следовали примерно с интервалом в полсекунды: палец Кима чиркнул колесиком зажигалки по кремню, из нее вырвался столб пламени высотой примерно двадцать сантиметров, запахло горелыми волосами, а охранник взвизгнул то ли от боли, то ли от неожиданности, то ли от всего вместе. Схватившись руками за обгоревшие брови, он яростно и недоуменно смотрел на Кима. Далее последовал наиглупейший вопрос, который только можно было услышать от надзирателя в тот момент:

–Ты специально?!

–Нет, что вы! Это, наверное, она сломалась, – испуганно проямлил Ким и показал ему на раковину неподалеку. – Надо бы холодной водой промыть, чтоб ожога не было.

Охранник нехотя согласился. Когда он промыл свои опаленные брови и повернулся в надежде найти пациента рядом, Кима уже не было на этаже, где случилось происшествие.

–Вот черт! – проревел надзиратель и побежал на первый этаж, к выходу. Но Ким в это время уже летел к входной две-

ри. Во второй раз он не попадет. И, слава Богу, сегодня дежурит только один надзиратель.

С силой надавив и осторожно выглянув за массивную дверь, Ким чуть ли не вскрикнул: за калиткой, как и утром, стояла девушка (кажется, ее звали Карен)! «Она меня весь день, что ли, ждет?» – испуганно подумал почти сбежавший пациент.

Пару раз глянув на забор лечебницы через щель в дверях, он убедился, что Карен уходить не собиралась. Что ж поделаешь?

Ким собрал свою волю в кулак и приоткрыл дверь. Потом пулей помчался к забору чуть поодаль девочки и перелез через него, уже наученный опытом, не зацепившись за колья.

Карен с удивлением наблюдала за всей этой картиной. Ее губы вначале расплывались в мягкой улыбке, но потом сжались в узкую ниточку, когда девочка вспомнила разговор с отцом и его предостережения. Когда Ким спрыгнул на землю, она строго сказала:

–Я сейчас вызову медсестру, и вас опять отведут туда же. Так что перелезайте обратно, а не то на вас еще больше накричат, – добавила она.

–Девочка, я психически неуравновешенный, так что могу сделать в любой момент что угодно. Будьте уверены: покалечить я вас сумею, – неожиданно бодро подмигнул Ким, – Так что молчите и считайте, будто этой встречи не было.

Карен стояла в недоумении. Этот человек не был похож

на того смутившегося и устыженного больного, которого она встретила утром. Это уже был наглец, который способен на все. И в его словах была доля правды. Кто знал, что он может с ней сделать? Может, отец был прав? Карен злобно посмотрела на Кима, резко развернулась и пошла к своему дому. Ким ухмыльнулся и направился в противоположную сторону. Так они и разминулись.

Поначалу было все в порядке. За ним никто не гнался (по крайней мере, Ким этого не замечал), а наш сбежавший со всех ног мчался по темным улицам города. Хорошо, что в такое позднее время почти никого не было на улицах, хотя изредка проезжавшие мимо водители пялились на мужчину, бежавшего в ночной сорочке и домашних белых тапочках.

Потом стал говорить внутри мозга здравый смысл. Куда он бежит, с какой целью, что будет дальше? Ким не имел понятия, каковы ответы на все эти вопросы. Но он продолжал бежать.

Когда бывший пациент добежал до небольшого заброшенного аквапарка «Другой мир», уже начинало светать. Давно Ким так долго не бегал – года три. Это было заметно: тяжелое дыхание, ноющие мышцы ног, испарина на лбу, трясущиеся руки... А если еще учесть, что Ким курил где-то половину пачки сигарет в день, такая пробежка была для него целым

подвигом. Но цель оправдывала средства.

Кстати о сигаретах... Ким достал всегда лежащую у него в кармане пачку и вытянул папироску. Рядом стояла скамейка, на которую Ким с превеликой радостью плюхнулся. Спасшая жизнь зажигалка звякнула открытой крышкой, и появился огонек, который осветил лицо нашего сбежавшего. Брови его были нахмурены от усталости и быстрого бега, но через секунду лицо Сталлена разгладилось.

Раздался вздох облегчения. Сигаретный дым столпом повалил изо рта счастливого Кима. Сейчас для него уже не существовало ничего: ни больницы, ни надоедливой Марго, ни болезненных уколов, ни проходящей мимо скамейки тихо хихикающей парочки. Только сигаретный дым, замедляющееся сердцебиение, и прохладный воздух ночного города.

По возвращению домой Карен все никак не могла уснуть. Лежа в пустой квартире, она все обдумывала, какой же ужасный поступок она совершила. Лучше бы позвонила в больницу, как в первый раз, и сообщила все как есть. Но что, если он бы и правда напал? И куда он сейчас направился? И почему его поведение так резко отличалось от утреннего? Непокколебимая уверенность читалась в его глазах. Может, в полицию все-таки сообщить?

С такими мыслями невозможно было заснуть. Карен, уже

интуитивно, надела куртку, ботинки и выбежала на улицу. Ночная прохлада овеяла ее, ветер растрепал ее волосы, но Карен не обратила на это особого внимания. Глубоко вздохнув, она просто пошла в раздумьях и шла так довольно долго. На этот раз она решила во что бы то ни стало не возвращаться к больнице. Поэтому она направилась к ближайшему интересному месту, находившемуся в противоположной стороне.

В заброшенном аквапарке, где она проводила все детство, лазая по пыльным, несколько лет нетронутым горкам, не было никого. В ночь с воскресения на понедельник все люди спали в своих квартирах, набираясь сил для нового рабочего дня. По крайней мере, все нормальные люди.

Шорох.

Карен резко повернулась. Из кустов вылезал весь в колючках, с порванной сорочкой – кто бы вы подумали? – все тот же мужчина из психиатрической лечебницы – Ким Сталлен.

–Что вы тут делаете?!

Этот вопрос вылетел из уст и Кима и Карен одновременно. Они оба испуганно смотрели друг на друга минуты полторы. Первой заговорила Карен:

–Я сейчас вызову полицию!

–Пожалуйста, не надо! – Ким еще шире открыл глаза от испуга. Похоже, ему и правда было страшно возвращаться. – Меня ведь обратно туда заберут! – сейчас он выглядел несчастным и беззащитным, как тогда, при первой встрече.

Как-то очень резко этот человек мог менять свое поведение.

–И что же в этом плохого? По-моему, там не так уж и плохо, – Карен решила действовать по плану «разговори психопата, а за спиной быстро набери телефон полиции». "Мало ли, что он может сделать", – повторяла она про себя.

–Что плохого? – переспросил Ким и возмущенно посмотрел на девушку. – Ну, если не считать постоянных уколов, лекарств, которые мне даже не прописаны, отвратительных медсестер, с одной из которых вы уже знакомы, ужасного отношения к пациентам со стороны персонала, грязных и маленьких палат, то, в общем, все не так уж и плохо.

Рука Карен уже набрала последнюю цифру телефона полиции и нажала на кнопку «Позвонить».

–Как же вы оказались здесь, в этом Богом забытом месте? Насколько я знаю, вам пришлось много кварталов пройти от вашей психушки до сюда, а прохожие наверняка заметили идущего по улице психопата, – сказала Карен, когда услышала слабый голос полицейского дежурного, доносящийся из телефона. Ким, похоже, ничего не заметил.

–Ну, я шел обходными путями, и людей не так уж много в такое время... Вы мне лучше скажите, что вы тут делаете? – поинтересовался Ким.

–Ну, это уже мое дело, куда идти. У меня нет привязанности к дому, я могу из него свободно входить и выходить когда мне угодно. Я свободна, в отличие от вас! – гордо произнесла Карен.

– Да, это правда, – задумчиво ответил Ким и посмотрел куда-то в сторону. – Но вы уверены в том, что вы действительно свободны? Мне вот кажется, что сейчас я свободен больше, чем вы, юная леди.

Карен это фраза ввела в ступор. Она выпучила глаза на Кима. Да как он может так говорить? Он сбежавший психопат, а она свободная девушка, неограниченная в своих действиях.

– Вы все-таки привязаны к своему дому, – заговорил вкрадчивым голосом Сталлен. Его взгляд изменился, когда он произнес эти слова. Глаза смотрели на Карен живым, осмысленным взглядом, будто гипнотизируя ее. И такой человек – психопат? Ким продолжал. – Сейчас все такие: дни повторяются изо дня в день, одни и те же поступки, действия, и вы с этим ничего не можете сделать, потому что вы уже влипли в круговорот будничной жизни. Просто так вам не выбраться. Это как если бы вы были раскручены в колесе, а центробежная сила прижимала бы вас к стенке, и вы не могли бы пошевелиться. Двигались бы так же, как и каждая молекула этого колеса и ничего не могли бы изменить, – спокойно продолжал Ким.

Карен уставилась на него, и не могла возразить. Все, что он говорил, было в точности то же самое, что она ощущала уже очень давно. Каждое слово было правдой, будто Ким читал ее мысли.

Вдали слышались завывания сирен. Ким медленно и

безо всякого удивления посмотрел в сторону приближающейся мигалки, которая светила красным и синим во все стороны.

– Я уже давно понял, что вы вызвали полицию. Руку за спиной не так уж и сложно заметить, – грустновато произнес он и быстро затараторил, – Я вам предлагаю сделку: я уйду сейчас же, и полиция меня не ловит, а позже я превращаю вашу жизнь в нечто большее, чем кручение в колесе, – он выждал паузу, оценивая реакцию девочки на предложение, – Либо мы остаемся здесь, полиция забирает меня, а вы никогда не узнаете, что такое настоящая жизнь, – и он расплылся в улыбке.

Ошеломленная услышанным Карен не могла сказать и слова. Но она поняла все, о чем говорил этот странный человек. Выбор был сложным. Это ведь так правильно просто сдать его полиции. Но соблазн выбраться из постоянного цикла однообразных дней был слишком велик. Карен почему-то сразу стала доверять этому странному мужчине. Но, все-таки, еще не совсем.

– Идите вы к черту! – произнесла она и резко развернулась, чтобы уйти.

– Какие грубые слова от такой милой девочки! – усмешливо крикнул вслед убегающей домой девочки довольный Ким и пошел в противоположную от завывающих сирен сторону.

Всю оставшуюся ночь Карен донимало чувство дежавю. Она три раза абсолютно случайно встретила с одним и тем же человеком за один день! Как вообще такое было возможно?

Сославшись на судьбу, она так пролежала до пяти утра, когда и уснула от усталости. Хотя проспала она всего лишь два часа.

Карен долго смотрела на восходящее солнце. Ярко красное, огромное, оно медленно поднималось из-за горизонта. Поначалу, тонкая полоска прошла по верхушкам зданий. Однако с каждой следующей секундой она становилась все шире и шире, озаряя все вокруг. Скоро уже невозможно было заметить даже клочка земли, которого не задел утренний рассвет.

Холодный ветер города окутал Карен и прогнал мельчайшие признаки желания спать. Карен улыбнулась солнцу. Как же приятно просто стоять на улице и вдыхать свежий утренний воздух.

Выйдя из квартиры, она первым делом направилась к больнице. Мало ли, может все это ей приснилось? Может, Ким Сталлен вовсе не сбегал из психиатрической лечебницы №7? Может, его вообще не существовало?

Воткнув в уши любимую спокойную мелодию из эпохи девяностых, она быстрым шагом направилась к больнице, чтобы стереть все сомнения.

Картина, которую она увидела, расстроила ее больше, чем когда отец однажды забыл про ее день рождения. Потом, кстати говоря, этого ни разу не случилось.

Две полицейские машины стояли рядом с калиткой лечебницы, а мужчины в форме стояли за ней, разговаривая с главной медсестрой. Карен, по пути вытащившая из ушей наушники, услышала лишь конец диалога:

—Да куда же смотрела охрана? — недоуменно вопрошали полицейские. Марго, приторно улыбаясь, но с растрепанными кудрями волос и жалкими глазами, наполненными усталостью из-за бессонной ночи, ответила что-то вроде «разберемся» и свирепо зыркнула на покачивающегося, почти пришедшего в себя от травмы бровей охранника. По нему было видно, что он сам не спал до утра. Наверное, его отчитывала Боун.

—Мы очень просим вас найти его и вернуть. Кто знает, что он может наделать! — умоляюще просила Марго. На этих словах в мозгу Карен что-то щелкнуло. Она резко отвела взгляд и хотела уйти подальше от этого проклятого места, но писклявый голосишка Марго окликнул ее.

—Она его тоже видела! Расспросите ее!

Карен потупила взгляд. И зачем она только сюда забежала? Теперь придется выпутываться из этой ситуации.

– Мэм, подойдите, пожалуйста, – сказал полноватый полицейский добродушным голосом. – Когда вы в последний раз видели сбежавшего отсюда пациента Кима Сталлена?

Карен уставилась в землю. Она вспомнила Кима, когда он сбежал. Эта жесткость, решимость и непоколебимость в его речи, которая не давала уснуть Карен. Но тут же она вспомнила тот взгляд. Те грустные, умоляющие глаза пациента больницы, где содержат безумцев. Глаза, полные слез и жалости. Что же за люди эти сумасшедшие?

– Так он, все-таки, сбежал? – внезапно для самой себя сказала Карен. Она не понимала, почему она не хочет говорить о последней встрече с Кимом и строит из себя дурочку. Может, она не хотела брать на себя ответственность за его побег? – Да, я видела, как он пытался сбежать, и доложила об этом вот этой медсестре, – Карен махнула рукой на Марго, – Больше я его не видела.

– Спасибо, мэм, – сказал другой полицейский, записывавший все это в небольшой блокнот. Марго нервно поджала губы, расстроившись отсутствием информации о побеге. Потом полицейский повернулся к медсестре и стал о чем-то еще ее еще расспрашивать, а Карен уже бежала прочь от этой чертовой больницы.

«Господи, что я только что сделала?» – только эта мысль крутилась у нее в голове, не обращая внимания на орущую в наушниках песню.

Ким Сталлен, не дрогнув и бровью, вошел в двери банка, как только тот открылся. Как же были поражены работающие там люди, когда увидели мужчину в белой сорочке с взъерошенными волосами и едким запахом сигарет, распространяющимся от него на радиус минимум пяти метров. Картина не из ряда ординарных.

А Ким спокойно направился к первой же попавшейся кассе, шлепая больничными тапками по полу, и произнес:

– Я бы хотел снять деньги со счета Кима Сталлена. Вот мой паспорт, – и он протянул непонятно откуда взявшуюся маленькую книжонку с надписью «Passport» на ней. Удивительно, но Ким всегда держал его при себе, даже в лечебнице. Он знал, что когда-нибудь ему подвернется случай сбежать из клиники, а когда такой случай произойдет, у него есть деньги в банке.

– Да, конечно, – немного заикаясь, произнесла удивленная девушка. Она пробила по базе данных серию и номер паспорта, и на экране появилось окошко со счетом.

– Сто тридцать тысяч пятьсот сорок три евро и восемьдесят шесть центов, – сипло сказала кассирша и сразу же закашлялась от неожиданности. Ким расплылся в улыбке. Кто бы мог подумать, что его друг сделал то, что он попросил. Оказывается, Ким сразу после того, как его положили в клинику, позвонил своему старому приятелю и сказал, чтобы он

все деньги, которые нашел в доме Кима, да и деньги с продажи самого дома (которую должен был устроить опять же друг Кима), положил именно в этот банк на его имя. Как печально, что он уехал за границу до возвращения Кима, ведь этот человек был единственным, кто знал, понимал и уважал его.

– Я, пожалуй, сниму три тысячи, – все с такой же широкой улыбкой сказал Ким. Машинка, повинувшись кассирше и просьбе Кима, выдала деньги сумасшедшему, и он довольный вышел из здания банка.

Прямо напротив банка Ким нашел только что открывшийся магазин одежды, где он и купил себе ботинки, джинсы, рубашку, кофту и куртку – все, что нужно приличному человеку, но не так, чтобы выделяться из толпы. Пригладив себе волосы перед зеркалом, которое держал перед ним недоумевавший продавец, косившийся на брошенную неподалеку сорочку и тапочки, он вышел из магазина, кинув на стол продавца несколько купюр.

И вот только теперь Ким стал всерьез думать о том, что же ему делать.

Он продумал от и до все: как он сбежит, как пойдет в банк, как купит одежду... Но то, что должно было произойти дальше просто не приходило ему в голову.

Купив в ближайшем ларьке пачку сигарет, он спокойно курил, ходил по улицам города, рассматривая, что изменилось за последние несколько лет. А изменилось, в принципе, мало чего: машин стало больше, прохожих стало меньше,

несколько новых построек... И все. Остальное осталось точно таким же, как помнил Ким.

Посчитав неразумным ходить с карманами, полными такой кучей денег, Ким, скорее от безделья, чем от нужды, купил себе кожаный кошелек. Сталлен весь в раздумьях о будущем на секунду присел на скамейку.

Полиция за ним пока не гналась, не искала его по всем улицам города. Ну, во всяком случае, на это следовало надеяться. Мимо него по переулку даже проплыла полицейская мигалка, а Ким даже не шелохнулся. Так же, как и не шелохнулись полицейские, без всяких эмоций проскользнув взглядом по нему из-за стекол машины.

Ким слонялся по улицам города, не зная, чем себя занять. Ни одного знакомого лица не попало ему на пути. Как вдруг...

Что бы вы подумали, если бы встретились с незнакомым человеком четыре раза за два дня, даже не собираясь видеться? Да, как вы уже догадались, Ким увидел Карен. Она бежала с нахмуренным лицом вдоль дороги, не смотря на лица прохожих. Но тут вдруг, наверно, случайно она подняла глаза и посмотрела на Кима, будто точно знала, где и когда он будет в данный момент.

Вначале, ее лицо не выражало ничего, как если бы она его не узнала. Оно и неудивительно, ведь выглядел он сейчас как обычный гражданин: ухоженный и прилично одетый. Потом глаза девочки наполнились одновременно испугом и удивле-

нием, а в следующий миг она остановилась, как вкопанная, прямо перед Кимом, который спокойно и широко улыбался. Ему было приятно удивлять людей, а неприятно удивлять – тем более.

С секунду помолчав, Карен выпалила:

–Какого черта?! – только это слетело с ее губ. Ким расплылся в еще большей улыбке.

–Что ж, вас тоже приятно видеть, – с усмешкой сказал он. Чуть наклонив голову набок, он разглядывал вздымающееся и опускающееся от тяжелого дыхания (может, от бега, может, от злости, а может, и от того и от другого) тело Карен, и не мог налюбоваться эффектом своего присутствия.

–Какого черта вы тут делаете?! – продолжила Карен, переведя дух.

–Прогуливаюсь по улицам своего города, по мне не заметно? – усмехнувшись, заметил недавно сбежавший пациент.

–Откуда у вас нормальная одежда? – снова недоумевая, выпалила она, на что Ким ей с радостью ответил:

–У меня остались небольшие сбережения в банке. В деньгах у меня недостатка нет.

Карен еще больше надулась. Ее ноздри раздувались до размеров пятицентовой монетки, а в глазах появились красные жилки. Сердитой она выглядела не только не грозно, но даже как-то мило.

–Вам, наверняка, интересно, почему я тут нахожусь? – догадливо спросил Ким.

– Это именно то, что я у вас спрашивала. Уж позвольте объяснить! Не то я вызываю полицию, – и Карен уже начала доставать мобильный телефон.

Ким поспешил убедить ее не делать этого:

– Смилуйтесь же! Представьте, что я просто вышел на оздоровительную прогулку по городу. Я здесь нахожусь, потому что не могу больше оставаться в четырех стенах! – руки Кима соединились в молящей позиции, а брови собрались «домиком». – Знали бы вы, что это такое – каждый день проводить время в одном и том же помещении, выходить только на пятиминутные прогулки, постоянно принимать уколы, есть, что дают и прочее! А одиночество... это вообще отдельный разговор!

Как ни странно, Карен медленно опускала руку с телефоном. Она знала абсолютно точно, что Ким имеет в виду. У нее была абсолютно та же ситуация. Работа по дому, скука и одиночество съедало ее, а Кима, наверное, еще больше. Поэтому она и ответила:

– Так уж и быть. Вы проведете этот день на свободе, – сказала Карен, и, подумав, добавила. – Завтра же я позвоню полиции и сообщу о вас.

– Идет! – воскликнул Ким и протянул ей руку. Карен нехотя и с подозрением пожала ее. – Чем вы хотите заняться? Надеюсь, у вас нет никаких дел, потому что я давно не выходил на прогулки, особенно с такой прекрасной девушкой!

Карен покраснела. Но что же ей оставалось делать? Если

бы она отказала, то пошла бы домой и принялась бы за уборку, готовку или еще чего-нибудь, связанное с делами по дому. Согласившись, она могла хоть чем-то скрасить свои однообразные дни, полные скуки.

Увидев, что Карен задумалась, Ким настойчиво подтолкнул ее к небольшому зданию, стоявшему неподалеку.

– Помню, здесь был неплохой кинотеатр, когда меня еще не положили в эту чертову лечебницу, – сказал он и, подойдя ближе, протянул деньги в кассу, произнеся «на ближайший сеанс». Кассирша пробурчала «он уже начался», протянула билеты и сдачу и развернула перед собой свежую газету.

Ким мимолетно улыбнулся ей в благодарность и поволок Карен внутрь кинотеатра. Сама Карен даже не могла сопротивляться. Да и не хотела, впрочем. Она просто заморожено следовала за этим человеком, не зная, что будет дальше. И ей это нравилось.

Весь фильм Карен наблюдала за Кимом. Его мимика во время просмотра была просто неподражаема. Когда герой смеялся, он смеялся, наверное, единственный в зале; когда тот пускал слезу, Ким плакал навзрыд, да так, что Карен самой хотелось заплакать. Сам фильм Карен ни секунды не запомнила: одни эмоции своего странного спутника.

После просмотра Ким заявил:

– Это было потрясающе! А теперь идем на каток!

Хоть на улице и было пять градусов тепла (необычно для конца лета), на площади неподалеку был открытый каток с,

правда, искусственным льдом. Около сотни людей катались по кругу, а в динамиках вокруг звучал рок-н-ролл.

Ким оказался прекрасным учеником, когда Карен позвала молодого энергичного инструктора помочь им. Сталлен рассказал, что когда-то давно его учили кататься, но он все забыл. Поэтому, сейчас его учили в небольшой группе маленьких детишек. Было безумно смешно видеть, как Ким делал первые шаги по льду, а вокруг него мелькали пестрые цвета шапок детей, из которых преимущественно и состояла группа. Дети, смеясь, показывали Киму языки, пытались подрезать его, но тот упорно старался не упасть, забавно размахивая руками и норовя вот-вот рухнуть. В конце концов, он плюхнулся на лед, комично задрал ноги и руки. На него тут же напала стая хохочущих ребят.

Карен не выдержала и рассмеялась. В ней проснулся детский смех, тот смех, который начинается года в три: безудержный, звонкий и переливистый. Казалось, что тысячи Карен смеются одновременно. И этот смех был заразителен: Ким тоже смеялся, как только мог. Катаясь на спине по льду, он смеялся до боли в животе, а когда закончил, он произнес, периодически переводя дыхание:

—Вот видите, как приятно со мной проводить время! А теперь пойдете-ка прокатимся.

Внезапно он встал на лед абсолютно уверенно, взял Карен под руку и начал кружить с ней по залитому уже вечерним светом фонарей катку. Людей оставалось все меньше и

меньше, и, в конце концов, никого не осталось, кроме рассекающих по льду Карен и Кима, которые говорили, смеялись и наслаждались временем.

Каток уже закрылся, а Карен и Ким шли по парку. Был уже поздний вечер, на небо вышла луна, и редкие тучи иногда закрывали ее, покрывая мраком все вокруг. Карен надо было уходить домой.

– Где вы будете ночевать? – спросила она.

– Думаю, найду какой-нибудь отель, деньги у меня есть, – ответил непринужденно Ким и тут же спросил. – А вы?

Эта фраза поначалу ошеломила Карен.

– Вы думаете, что у меня нет дома? – возмущенно произнесла она.

– Думаю, что у вас есть дом, но не думаю, что вы хотите туда возвращаться. Хотя... – он потянул последний звук. – Вы привязаны к своему дому. Так что и правда лучше вам идти своей дорогой.

Ким направился в сторону ближайшего отеля, а Карен так и осталась смотреть ему вслед. Что-то зацепило ее в этом человеке. Она могла бы проводить каждый день с интересом, по-новому. Она не могла вот так просто и легко отказаться от этого.

– Ким, как вы смотрите на то, чтоб переночевать у меня? – неожиданно даже для самой себя крикнула Карен.

Ким развернулся. Улыбка скользнула по его губам, и он ответил:

—А разве твои родители не против?

—Я вам предлагаю просто поберечь свои деньги и переночевать у нас, только и всего! — засуетилась Карен. — Отец приезжает завтра утром, так что вам просто нужно будет уйти часов в восемь.

—Только если я не буду тебя смущать своей компанией, — галантно поклонился в благодарность Ким.

Через пятнадцать минут он уже сладко храпел в квартире Карен, а она сама лежала в своей кровати и чувствовала, что, может быть, в первый раз в своей жизни, она поступила правильно.

Руперт вернулся в восемь утра, чуть раньше, чем было запланировано. Он хотел приготовить своей дочери что-нибудь на завтрак, перед тем, как снова отправиться на работу, хотя готовил он скверно. Но отец был уверен, что главное не подарок, а внимание. Будильник должен будет прозвенеть через десять минут, чтобы разбудить Карен, которая обычно сама готовила папе перед его уходом. Сегодня Руперт захотел поступить по-другому.

Пройдя по коридору на кухню, Руперт первым делом поставил чайник. Потом он последовал в ванную, чтобы, как обычно, выполнить свой утренний «ритуал»: почистить зубы, причесаться и побриться.

Руперт открыл дверь ванной.

В небольшой комнатке с уже старенькой и выцветшей плиткой на стенах находилась ванна, в которой были постелены штук пять полотенец, а на них мирно спал незнакомец средних лет. Руперт был ошеломлен:

–Что вы тут делаете?! – прокричал Руперт так громко, насколько позволял его голос.

Ким Сталлен вскочил, запутался в прицепившемся к ноге полотенце и грохнулся обратно в ванну. На крик прибежала Карен, на лице которой был невообразимый испуг, и остановилась около отца. Воцарилась гробовая тишина. Только в спальне противно пищал будильник, а на кухне возмущенно свистел чайник.

Утро было испорчено. Все покатилося к чертям.

Руперт сидел в кресле, массируя виски, и пытался в голове придумать дальнейший план действий. Карен с Кимом пересказывали все, что с ними произошло, и как Сталлен оказался в их квартире.

–Вначале ты встречаешь психопата, а потом приводишь его домой, не посоветовавшись с родным отцом?! – воскликнул Руперт, когда они закончили. Ким сжался в мизерный жалкий комочек от неловкости всей ситуации, а Карен потупила взгляд, – О чем ты вообще думаешь?! Ты понима-

ешь, что такой поступок не входит в разряд обычных происшествий? Просто так взять и притащить сумасшедшего в наш дом только из-за того, что тебе надоело жить однообразно! Да я могу разнообразить твою жизнь, как ты только захочешь, только скажи мне! Не надо привлекать в это дело посторонних! Что теперь делать? – отец схватился руками за голову.

Карен, конечно, не знала ответа на этот вопрос. Она сама уже сомневалась в том, что поступила правильно.

–Я звоню в полицию, – тихо и устало сказал отец.

–Но постойте! – возмутился Ким, однако ему не дали договорить.

–Нет, это вы постойте! Вы, хоть и сумасшедший, но должны понимать, что это крайне безрассудно приходить в дом чужих людей и портить им жизнь! Так что помолчите лучше и собирайтесь обратно в лечебницу. Там вам и место, – отрезал Руперт. Карен смотрела на них обоих и понимала, что сделать ничего нельзя. Отец не отступится, Киму придется вернуться в больницу. Но она только что надкусила плод неординарности. Ей безумно понравилось это чувство, и расставаться она с ним не собиралась. Внутри Карен все вскипала и вскипала обида.

–Послушай, Руперт! – внезапно воскликнула она, перебив отца. Очень редко, когда Карен называла его по имени, а если и называла, это значило, что она сейчас готова взорваться от раздражения. Но надо было что-то предпринять. – Я так

больше не могу! И пусть тебе это кажется детским лепетом, но я хочу сказать одно: и я, и ты каждый день проводим однообразно! Учеба, уроки, ты приходишь с работы, я готовлю ужин, мы желаем друг другу «спокойной ночи» и идем спать! А потом все повторяется снова и снова! Неужели, ты сам не замечаешь, что мы просто погрязли в обыденности? Мы живем так скучно, как только возможно!

– Милая, мы живем как миллионы людей по всему миру, – взмолился Руперт Стоун, закатив глаза. – Они также просыпаются, идут на работу, приходят с работы, проводят скучные выходные... но это нормально! Все так и должно быть.

– Нет! – воскликнула Карен. – Я так не могу! Просто не умею, – вздохнула она устало. – Помнишь, какие дни мы проводили вместе, когда мама была рядом? А тот день, когда мама умерла? Мы же обещали друг другу, что будем жить так, как она бы этого хотела! Когда я была моложе, почти все, что мы делали, было спонтанно. Мы радовались, что мы живем, наслаждались тем, что делаем сейчас, каждый новый день отличался от другого. Мы жили ЗА нее! – последовала минутная пауза. Никто другой в квартире и не думал заговорить. Потом последовало заключение. – Я постоянно хочу вернуть те времена! Попробуем жить по-другому? Мы начнем совершенно новую жизнь, а Ким нам в этом поможет. Это же приключение, и отказываться от него уже не имеет смысла. Мы будем жалеть, если скажем «нет».

Снова наступила тишина. Часы пробили девять часов

утра. Стоун посмотрел на них в нерешительности. Он почти полностью привык к тому, что его каждый день расписан. Но мужчину тоже постоянно мучало непонятное чувство. Только сейчас Руперт понял, что же именно оно из себя представляет.

Он беспомощно развалился в кресле. Карен улыбнулась. Ким облегченно вздохнул.

– Может, я и поторопился с выводами. Можно попробовать. Возьму отпуск на неделю, – сдавшись, сказал отец.

Карен засияла и обняла его так крепко, как только могла. Хотя что-то изменилось, а это уже большой шаг вперед. Хотя отца всегда было легко переубедить.

Спустя два часа, Ким вышел из ванной. Такого шикарного душа он не принимал очень давно. Даже шампунь в лечебнице – большая редкость. Поэтому наш беглец пробыл в душе около полутора часов. Когда вышел, он блаженно произнес «Спасибо!» и повалился в кресло, напевая мотив «Реквиема по мечте». Станный выбор.

Но Руперта волновало совсем не это. Ему все уже начинало надоедать, в особенности поведение гостя:

– Он моется в моем душе, тратит мою воду, сидит в моем кресле... Я не намерен это так просто терпеть! – сказал он Карен возмущенным шепотом на кухне, спрятавшись от

Кима, развалившимся перед телевизором, – Это уже просто возмутительно!

– Успокойся! Все скоро будет по-другому, – как-то неуверенно пыталась убедить его любящая дочь. Хотя даже у нее уже начинали возникать мысли, что Ким их просто надувает.

– Я сейчас пойду и устрою этому психопату сладкую жизнь! Пусть знает, что такое быть нормальным! – громко выкрикнул Руп и пошел в гостиную. Сталлен, услышав его восклицание, насторожился, прищурил один глаз и приподнялся в кресле. Но как только он повернул голову, его ожидала смачная ладонь Руперта, которая влетела ему в лицо со скоростью пушечного ядра. От неожиданности и боли Ким вскрикнул.

– Ты что же, думаешь, – язвительно проговорил Руперт сквозь зубы. – что ты просто так вот будешь сидеть, наслаждаться жизнью, тратить наше время и ресурсы? Ты обещал интересную жизнь, вырваться из круговорота и так далее! Что-то я пока не вижу, чтобы что-нибудь стало веселее.

Ким поднес руку к раскрасневшемуся от удара лицу. Сквозь почти сомкнутые пальцы была еле видна улыбка.

– А ты приглядиись, – прошептал он.

Руперт недоуменно посмотрел на него.

– Разве вы не видите, что вы уже начинаете выходить за рамки обыденности? – почти прокричал он. – Чего только стоят ваши эмоции! Гнев – одна из сильнейших эмоций! Вот скажите мне, когда вы в последний раз по-настоящему зли-

лись до встречи со мной? Хотя это и не истинная ярость, но уже что-то! – с усмешкой произнес Сталлен.

Руперт недоуменно смотрел на него. Перед ним сидел психопат, который пообещал интересную жизнь за гранью обыденности. Что хотела семья Стоун, то она и получила. Руп внезапно понял, что Ким говорит правду: он очень давно не проявлял никаких эмоций, и этот выплеск был первым за пару лет!

–Вы на верном пути. Сейчас моя главная цель была – вывести вас из зоны комфорта, чтоб вы чувствовали себя не так, как обычно. А сделать это я мог, только разозлив вас! – сказал Сталлен, щелкнув пальцами, и шутливо добавил. – Ну, и еще чтобы по-человечески принять душ, конечно!

Зрачки Руперта сузились от гнева. Еще чуть-чуть, и он бы убил этого пришельца. Но подросла Карен, которая дотянулась до плеча отца рукой и коснулась его, что мгновенно, будто по волшебству, успокоило Руперта, как ведро холодной воды.

–Ладно, допустим, ты прав, – обиженно прорычал он. – И что же дальше? Что теперь будешь делать? Выкинешь меня из квартиры, чтобы я в конец вышел из своей «зоны комфорта»? – последние слова он сказал, пародируя интонацию Кима, на что тот лишь усмехнулся.

–Нет, что вы! Это ваш дом, вы в нем хозяин. Но эта проблема легко решается: нужно, чтобы вы его лишились, – с энтузиазмом сказал счастливый Ким.

Стоуны раскрыли рты от удивления.

– Ч-что? – произнесли они хором, – Вы не заставите нас продать нашу квартиру! Отец так долго копил на нее, так долго выплачивал кредит! И все напрасно?

Ким только фыркнул.

– Ну что ж. Ладно. Можно и не продавать дом.

Стоуны с облегчением вздохнули.

– Но тогда вам просто необходимо убить кого-нибудь! – продолжил Ким. – И это вы уже выполнить обязаны!

Карен крепко схватилась за плечо отца, а Руперт облокотился на стену.

– Ой, да ладно, шучу я! – бодро оповестил семью Стоунов Ким. – Зато вы уже на подходе ко второй стадии – страх! – продекламировал он, а позже вкрадчиво добавил. – Вы ведь мне доверяете?

Глава 3

– Вы ведь мне доверяете?! – орал Ким всю дорогу, пока не кончился разбег. Он длился, как показалось Карен, целую вечность. Адреналин кипел в крови, а изо рта клубами валил пар. В голове проносилась только одна мысль: «Зачем я согласилась?» Она кричала, но не слышала своего голоса. Ветер охватывал ее, порывисто врезался в лицо, забивался в уши, и она ничего не могла с этим поделать. Руперт разбежался со своим инструктором метрах в двадцати от них. Его

лица не было видно за маской, но она ясно видела, что тот напуган, и гримаса ужаса на лице отца никак не хотела сходиться. Наверняка, она выглядела не лучше.

Три.

Ее рот был плотно закрыт. Зубы уже начинало сводить. Ким что-то кричал за спиной, но его не было слышно. Она вспоминала все, что говорил ей инструктор, однако мысли путались, мозг отказывался работать.

Два.

Рот отца был широко раскрыт, а его волосы растрепались так, будто его поместили в аэродинамическую трубу. Хотя, в принципе, так оно и было. Ветер казался просто ураганным.

Один.

Разбег закончился. Казалось, этот момент никогда не наступит. Но вот ноги Карен оторвались от земли. Живот сжался в комок страха. Казалось, внутри Стоунов нет органов – только адреналин и паника. Обрыв поглотил Кима, Карен и Руперта с инструктором, будто огромный кит. Да какой там кит! Они будто упали в бездну космоса, и, казалось, никогда больше не приземлятся.

Их потянуло вниз. Крылья накренились и вошли в крутое пики, стали перпендикулярны земле, которая теперь казалась так далеко. Карен на мгновение подумала, что сейчас они разобьются. Через секунду, они выровнялись. Ветер подхватил Карен, и она взмыла высоко вверх. Девушка обнаружила, что ее глаза раскрыты так широко, что она даже

не подозревала, что так может. Казалось, они вот-вот вывалятся из орбит.

Через минуту адреналин прекратил свое бурное воздействие. Карен взглядом жадно схватывала все, что попадалось у них на пути: горы, скалы, отвесные, как будто кто-то отрубил кусок пирога, равнины... Она посмотрела назад. Ким улыбался. Карен внезапно поняла, что сама улыбается от уха до уха. Ветер обволакивал ее, она держалась за дельтаплан как могла. Руки почти сводило судорогой, но она понемногу разжимала их время от времени, чтоб расслабить.

Карен летела над небольшими живописными равнинами и холмами, рядом летел ее отец на своем дельтаплане. Он что-то взволнованно ей кричал, но она не понимала что именно. Наверное, пытался успокоить и приободрить ее, но, похоже, это нужно было только ему самому. Ветер схватывал слова и уносил далеко назад. Сам Ким казался полностью расслабленным.

Полет длился и длился, будто растянутая жвачка, и Карен это нравилось. Она старалась запомнить каждый момент, каждое ощущение. Наслаждение от полета было неопишмым. Отец теперь казался тоже умиротворенным, но глаза под маской все так же бешено и даже как-то по-детски бегали из стороны в сторону, схватывая все подробности полета. В этот момент Руперт выглядел помолодевшим на десяток лет.

Редкие кустики растений бежали внизу, словно стадо неизвестных животных. Птицы, летевшие рядом, взволно-

ванно и одновременно забавно кричали. Солнце висело над горизонтом, заливая все золотом. Полет...

Но вот настал момент приземления. Довольно страшно видеть, как на тебя с огромной скоростью надвигается земля, но при определенной скорости полета все выглядит почти безобидно. Наконец, под ногами почувствовалась земля. Карен пробежала около тридцати метров, пока не затормозил дельтаплан. Они с пристегнутым позади Кимом почти потеряли равновесие: казавшиеся теперь неуклюжими крылья дельтаплана опасно накренились вперед, но позже пришли в нормальное положение. Руперт приземлился на минуту позже. В общей сумме полет длился всего пятнадцать минут, но Карен показалось, что прошел как минимум час. Ноги, отвыкшие от присутствия твердой поверхности под ногами, не хотели слушаться, поэтому она сразу упала на колени, когда попыталась твердо встать. Кровь потихоньку прилиwała обратно.

Ким уже сидел метрах в пяти от Карен и пил чай. Все-таки, погода была на удивление прохладной, хоть и был конец августа. Сталлен улыбался, довольный проделанной работой. Карен и Руперт тоже присоединились к нему и с удовольствием потягивали обжигающий напиток.

—Как мы только умудрились согласиться на это? — наигранно спросила Карен.

—Не знаю, — ответил отец, подыгрывая ей. — но мне кажется, это были одновременно лучшие и худшие пятнадцать ми-

нут в моей жизни!

–Я же говорил, что вам понравится! – сказал неестественно громко Ким. Видимо, ветер заложил ему уши.

Карен с отцом переглянулись. И сразу же засмеялись. Ким тоже смеялся. Казалось, что вместе они прошли через ад, а теперь пришло время рая, отдыха, наслаждения. Так они просидели еще часа два, делаясь впечатлениями от полета. Ким рассказывал истории, когда впервые попробовал летать, где и с кем он это делал, рассказывал о смешных и не очень случаях. Стоуны слушали его с огромным интересом.

Придя домой, все валились с ног. Руперт заснул сразу, как только приземлился на свою постель, а Карен пошла в душ перед сном. Горячая вода приятно покалывала тело, пена стекала в водосток вместе с усталостью.

После душа девушка почувствовала себя, будто никуда и не ездила летать на дельтапланах. Ноги ничуть не болели, а душевно она чувствовала себя так, если бы недавно переродилась заново. Она принялась искать Кима, но никак не могла его найти. Наконец, она заметила, что тот стоит на балконе и курит смятую сигарету. Она зашла на балкон.

–Зачем ты куришь? – этот вопрос мучил ее довольно давно. Она не понимала, почему люди курят, принимают наркотики, пьют и так далее. Ведь это только вредит организму!

– Знаешь, в жизни бывает, что случается что-то плохое, – тихо проговорил Ким. Дым из его рта вырывался небольшими красивыми завивающимися клубками. – После потрясения кровь начинает течь быстрее. Нужно что-то, что замедляет ее, – он ухмыльнулся. – Ну, по крайней мере, я так себя успокаиваю и объясняю с анатомической точки зрения, – он жадно затянулся. – Честно говоря, курение помогает уйти. Когда вдыхаешь смольный дым, все куда-то улетучивается, в голове не остается ни единой мысли. И нередко бывает, что на фоне этой пустоты из ниоткуда возникает какая-то мысль. И именно такая мысль главная. Она правильная и очень важная. Но, она улетучивается именно тогда, когда последний уголек от сигареты падает на землю, – Ким тяжело вздохнул и посмотрел в глаза Карен. – Я все никак не могу поймать эту мысль. Она – истина!

Карен смотрела на сумасшедшего, как на сумасшедшего. О чем он говорит? О какой истине?

Ким, видя в глазах девочки непонимание произнес:

– А вообще, пока ты куришь сигарету, ничто вокруг тебя не происходит. Есть только ты и дым, причудливо завивающийся в воздухе. Остаешься наедине только со своими мыслями и с самим собой. Остальное становится неважно, – Ким поспешно добавил. – Ты только не вздумай пробовать курить! Хотя это иногда и хорошо для психики, это очень вредно для организма! Из-за этих проклятых сигарет я живу на десятки лет меньше.

Стоун смотрела на Кима сочувствующими глазами. Как же, все-таки, сложно быть психопатом.

Утро было добрым. Как и всегда с Кимом.

Каждое утро, пока психопат из лечебницы №7 находился в квартире Стоунов, он вытворял что-то невообразимое. Однажды он просто взял и исчез на несколько часов, а потом вернулся с мешком фруктов и продекламировал, что собирается готовить завтрак всей семье. Жаль, что время уже подходило к ужину. Но, не считая этого случая, каждое утро он и правда готовил невероятные вещи на завтрак. Причем невероятные в прямом смысле этого слова. Яблочные штрудели, пудинги, тортики, шоколадное фондю – самое безобидное, что могло быть на завтрак. В некоторых случаях завтракать приходилось мясом по-французски или сырным рулетом собственного приготовления.

Этим утром была жареная утка под сладким соусом.

– Ким, сколько раз тебе говорить, что мясо на завтрак – это немыслимо? – недовольно ворчал Руперт.

– Ешьте, что дают, мистер Стоун, – ответил улыбающийся Сталлен. На нем был надет белый фартук, под которым находилась ярко-желтая футболка с изображением Микки Мауса, держащего Эйфелеву башню.

– Ну, по крайней мере, хоть соус сладкий, – пробурчал в

ответ старший Стоун.

Дочь Руперта мигом влетела на кухню, целуя при этом отца.

–Что за дивный запах, Ким! – воскликнула она.

–Ну, по крайней мере, хоть ваша дочь оценила мою стряпню, – довольно сказал Ким, подражая главе семьи. Руперт только хмыкнул в ответ.

–Ты лучше расскажи нам, что у нас дальше по программе? Коктейль из адреналина, красоты и облегчения мы уже получили после полетов. Что еще нас ждет? А то уже неделя почти прошла с тех пор, как ты поселился у нас, – поинтересовался Стоун.

–Да, все вполне безобидно. Будем медитировать! – воскликнул Сталлен.

Карен с отцом выпучили глаза, посмотрели друг на друга, и снова посмотрели на Кима.

–Ты думаешь, что медитация правда действует? – неуверенно спросил Руп.

–Так вы ни разу не пробовали? – досадно сказал Ким, не замечая вопроса, но тут же воскликнул. – Значит, будет новый опыт! Это еще лучше!

–Насколько я знаю, настоящей эйфории достигают либо люди, пережившие клиническую смерть, либо йоги. Первое

мне, слава Богу, испытать не довелось, а вторым я решил заняться, когда мне было где-то как вам, Руперт, – такой фразой решил начать Ким свое обучение медитации.

Все происходило в месте, где они летали на дельтапланах. Бескрайние холмы, прохладный ветер позднего лета, тишина и никого вокруг... Спокойствие ощущалось в каждом вдохе и выходе изредка шелестевшего ветра.

–Но для того, что бы полностью отделить душу от тела, нужна йога, – продолжил Ким. – А любые физические упражнения, как известно, начинаются с разминки.

Разминка состояла в том, чтобы банально размять тело. Стоуны сначала подумали, что будет разминка психологическая, но Ким отклонил это предположение. Покрутив кистями рук, разминка перешла к суставам плеч, потом растягивался позвоночник, а следом и ноги.

–Вообще, йога – это вид спорта, когда тебя скручивают и перекручивают во все стороны для того, что бы ты добился полного расслабления. Звучит ужасно, но это так, – подмигнул Ким, разминая стопу левой ноги. – Неподготовленным будет трудно, – сочувственно добавил он и начал показывать комплекс из пяти упражнений.

Он показал так называемую позу китайского каменного воина, заставлял устраивать все тело в одну плоскость, перекидывать ноги через голову и переплетать все четыре конечности в один узел. Ким оказался неожиданно пластичным и гибким, чему Стоуны не могли не удивиться. Каждую стойку

Руперт и Карен должны были держать минут по десять, и все время надо было смотреть в чистое безоблачное небо.

Такие занятия продолжались каждый день утром и вечером на протяжении нескольких недель. Поначалу, неподготовленные мышцы начинали гудеть уже на третьем упражнении, а на пятом каждый из Стоунов был готов поклясться, что больше никогда не возьмется за это дело. Шестым упражнением оказалась сама медитация.

Самое странное было то, что после шестого упражнения все приходило на свои места. Занятия продолжались только из-за него, а Ким говорил, что без первых пяти не может получаться и шестого. Физическое тело после первых пяти занятий болело невообразимо, но...

Душа... Да, наверное душа оказывалась на полной свободе и уносила с собой все ненужные мысли и чувства, в том числе и о боли. Легкий ветер нежно обнимал измученные тела семьи Стоун, успокаивал их и обещал, что больше подобного не произойдет. А душа играла в прятки с солнечными лучами, наслаждалась подаренной свободой, и отдыхала от мирской суеты. В этот момент каждый понимал, что такое настоящее наслаждение и эйфория.

Шестое упражнение заключалось в очень простом принципе: расслабление. Именно после тяжелой нагрузки это занятие кажется невероятно притягательным.

Все садились в позу Лотоса лицом против ветра, вдыхали свежий воздух и закрывали глаза. Главных задач всего три –

расслабиться, не думать и глубоко дышать. Тело продолжало болеть всего первых минут пять – шесть. После так называемого «переломного момента» начиналось невообразимое спокойствие.

На первых двух-трех занятиях ничего необычного не было. Они просто сидели и отдыхали. Но на последующих начинало кое-что получаться.

Казалось, что весь мир куда-то отдаляется. Все вокруг становится абсолютно ненужным, а спокойствие обволакивает тебя, будто теплое одеяло. Главное – не забывать дышать.

В голове не остается ничего. Сознание целиком и полностью уходит в себя, в свой мир. Самое интересное начинается тогда, когда перед взором встает «то самое» белое полотно. Просто пустота, не заполненное ничем пространство. Будто белый лист бумаги поставили перед глазами.

Главное, что твое подсознание начинает рисовать. Хоть новую картину каждый день, хоть одну и ту же на протяжении всей жизни. Эта картина, как говорил Ким – сущность каждого. Сущность может меняться, а может оставаться всегда одинаковой. Но ты не способен что-либо нарисовать сам. Все зависит исключительно от подсознания. Можно только наблюдать и чувствовать.

–Ты ощущаешь спокойствие и умиротворение, понимаешь, что мир вокруг тебя прекрасен, а все проблемы такие мелкие, что их можно задвинуть вглубь шкафа своего сознания и просто наслаждаться отдыхом, – так описывал это

состояние Ким Сталлен, когда его спрашивали сделать это. И, наверное, такое описание было самым правильным и подробным.

Как-то раз у Руперта был свободный от работы день. И самый любимый. Воскресенье! А когда он проходил в компании Кима Сталлена, он казался просто волшебным.

Карен отправилась за школьными покупками со своими друзьями, ведь скоро кончался август, а потом школа... Наверное, самое счастливое время жизни Карен, хоть она этого и не понимала еще. Не считая, конечно, времени, проведенного со Сталленом.

Руперт и Ким частенько вечером любили усесться на балконе, налить по рюмке крепкого напитка и занять себя интересными разговорами. О чем только они не заходили! Ни разу ни одна фраза не повторялась за вечер дважды. Было в таких «посиделках» что-то магическое.

–А как ты оказался в психушке, Сталлен? – спросил немного пьяный Руперт. Стоявшая неподалеку полупустая бутылка виски говорила о том, что разговоры будут продолжаться еще очень долго. Разум Руперта будто был затянут легкой белой пленкой.

–Это поразительно смешная история, которую я расскажу в другой раз, Руп. – дружелюбно ответил Ким. Он не очень

любил рассказывать о своих неудачах. – Лучше расскажи мне о твоей жене. Она уехала куда-то?

Руперт тяжело вздохнул. Тема была болезненной для него. Ким сразу увидел это.

–Ты прости, если что, – начал извиняться он. – Можешь не рассказывать.

–Отчего же, – проговорил вмиг протрезвевшим голосом Стоун. – и не рассказать... – он немного помедлил. Подлив себе и Киму виски, он откинулся на спинку кресла. – Ее звали Салли...

–Салли ее звали, – повторил одними губами Ким, усмехаясь про себя мелодичности фразы, но тут же прекратил, так как посчитал игру слов не к месту.

–Да... – протянул Руп. – Шелковистые волосы цвета шоколада, острые черты лица, милый нос, немного курносый, потрясающая улыбка, глубокие ярко-зеленые глаза – все, что я помню из ее образа, – он глотнул из стакана. Ким достал сигару, отрезал краешек и раскурил, приготавливаясь внимательно слушать.

–Она была ангелом во плоти. Характер, хоть и бойкий, но такого заботливого человека я никогда не встречал. А смех... Карен унаследовала его. Вообще, когда я смотрю на нее, мне каждый раз видится она в первый день, когда мы встретились.

–Ну-ка, расскажи про первый день, – попросил Ким, игриво выдыхая густой дым.

–С удовольствием, – сказал Руперт и прикрыл глаза. Тот "день" он помнил, как будто это было вчера.

–Руперт! – мать звала сына домой. Он слишком много гулял и слишком мало учился. Наверное, как все дети в его возрасте.

–Иду, иду! – прокричал в ответ мальчишка лет четырнадцать. Темные взъерошенные волосы, грязные школьные брюки, измазанные руки и бегающие во все стороны задорные глаза – все говорило о том, что парень опять играл в футбол после школы с друзьями.

–Где ты так изгваздался? – строгим тоном спросила его мать, хотя прекрасно знала, где он был. Ее глаза, хоть и были полны серьезности и строгости, но в них еще отражалась и безграничная любовь. Усталые добрые руки упорно терли кожу на лице мальчугана, пытаясь отмыть уличную грязь.

–Ну, ма, ты же знаешь, как сложно удержаться в новом коллективе! – ответил Руп, скорее уходя от вопроса, чем отвечая на него. Постоянные переезды из-за работы его отца всегда доставляли много хлопот, но последний произошел около года назад, и Руперт надеялся, что больше никогда не покинет этого города, находившегося на окраине страны. Здесь было просто потрясающе: приветливые люди, хорошие друзья и целое море мест, куда можно было пойти просто

так, от скуки. Сам город не был лишен красок, а был наоборот ярким, цветным. Или же это в детстве все таким казалось?

– Ладно, ладно, – пригрозила мама. – Вот влюбишься, тогда посмотрим, какой ты будешь ходить, и она подмигнула сыну.

Руперт засмеялся. Он смеялся так долго, что живот прихватило, а на глазах выступили слезы.

– Я? А-ха-ха-ха! – он не мог сдерживать смех. – Влюблюсь?! Да ни за что на свете, никогда! – Руп повалился на прохладную перину кровати, устремив взгляд в потолок. «Зачем только нужны эти девушки?» – подумал он. Была пятница, а значит, все выходные и вечер сегодняшнего дня были в его полном распоряжении.

После обеда Руп уже не хотел играть в футбол с ребятами. От скуки попинав мяч об стену, мальчуган принялся за уроки, чтобы ничего не надо было делать остаток выходных. Одолев шесть задач по математике и наспех прочитав новеллу какого-то неизвестного ему писателя, он вышел на улицу.

Солнце уже начинало склоняться к горизонту. Прохладный воздух забивался в ноздри Рупу, взъерошивал его непослушные волосы, проникал под легкую футболку, щекотя и пощипывая тело. Мысли были где-то далеко, они просто вылетели из головы мальчишки вместе с ветром, не оставив ничего внутри. Он глубоко вздохнул. Свобода.

Ну, свобода продолжительностью в два дня. Хотя и этого

было более чем достаточно подростку.

Руперт не знал, что делать и куда идти. За год он успел облазять практически каждый двор этого города, поэтому ему было все сложнее найти что-нибудь интересное. По-старинке он перелез через забор в соседский двор, нарвал спелых, красных яблок и довольный собрался искать новые приключения где-то на окраинах города.

–Руперт Стоун!

Это кричали соседка, давно обнаружившая ежедневную пропажу яблок. Она угрожающе размахивала руками над головой, привлекая к себе его внимание и грозя жестокой и скорой расправой. Руп со всех ног кинулся бежать прочь, а бранные слова догоняли его и будто давали подзатыльники. Почти все яблоки рассыпались по дороге, в руках осталась только одна пара.

Руперт смеялся на бегу, довольный своими проделками. Уже за пару недель после переезда он получил звание главного бунтовщика города среди своих сверстников. Каждый завидовал ему, чему он был несказанно рад. Казалось, в таком интересном городе жили одни блеклые, в полной мере не ценящие жизни, люди.

Город находился недалеко от столицы, поэтому был довольно большим. Горожане в нем всегда спешили. Некогда поспать, некогда поесть, некогда расслабиться. Наверное, таким был девиз каждого из них. Потoki людей с утра и до вечера лились из города и в него, из-за чего казалось, что город

сужался и расширялся, будто огромное сердце сжималось и разжималось.

Пробежав с пару миль, Руперт остановился и огляделся. Куда он забежал, одному Богу было известно. Ни один объект вокруг не казался знакомым. Дома выглядели чересчур серыми, а людей не было видно совсем.

Где же он?

Откусив яблоко, Руперт поплелся по дороге в обратном направлении. Фонари начинали уже загораться, а Руп не очень хотел опоздать домой, тем более к наверняка разозленной соседями матери.

Через пару кварталов он просто-напросто заблудился. Ни где он находится, ни как вернуться обратно – ни на один из этих вопросов Руп мальчик не знал ответа. Прохожих все так же не было, и не у кого было спросить дорогу. Уже можно было начинать паниковать. Как вдруг...

На дорогу из-за угла небольшого домишки прямо перед парнем вылетел угольно черный и весь в мыльной пене щенок. Он чуть не врезался с огромной скоростью в немного опешившего Руперта, но успел вовремя затормозить. Мокрая морда пса лишь слегка ткнулась в рваную штанину школьника.

–Скай!

За щенком со всех ног бежала девочка, выглядевшая чуть моложе Руперта. На ней были красные тапочки и сарафан в горошек. Каштановые волосы превратились в растрепанную

копну. Очевидно, она только что выбежала из дома.

–Скай! Прекрати постоянно удирать! Ты всегда грязный после прогулки! – девочка погрозила указательным пальчиком псу. Он посмотрел на нее исподлобья ярко-голубыми обиженными глазами, фыркнул и отряхнулся, что было очень некстати. Брызги мигом окатили брюки рядом стоящего Рупа и платице девочки, которая являлась хозяйкой щенка. От неожиданности парень даже не успел отпрыгнуть вовремя.

Девочка испуганно вскрикнула. Руп округленными глазами посмотрел на свои недавно новые брюки. «Дома будет худо», – подумал он. Щенок, довольный своей мстью, чинно зашагал в сторону дома девочки. Его драное ухо забавно тряслось с каждым шагом.

–Негодник! – крикнула ему вслед она. Девчонка перевела взгляд на Рупа и принялась его разглядывать. – Мда... – протянула она. – Ты уж прости. Ничего не поделаешь с этим чудовищем, – она зло посмотрела на длинный мокрый след, что остался от пса.

Руп все также стоял, ошеломленный произошедшим. Девочка посмотрела на его лицо. Потом на штаны Руперта. Потом на свои все в мыле руки и на уходящего щенка. Она прыснула от смеха. Как же он был прекрасен...

По звонкости этот смех был подобен весенней капели. Мир наполнялся радостью и красками только от секунды такого смеха. Он отражался от каждого предмета на его пути,

и казалось, что уже тысячи девочек непрерывно смеются. Но это не было обидно. Смех сам наполнял шокированного Руперта изнутри, подталкивая его самого разразиться заливи-стым хохотом. Он уже был готов рассмеяться, как вдруг де-вочка замолчала. Она вытерла слезинку из края глаза.

–Прости, – с негромким свистом выдохнула она. – Но это очень забавно, – и снова рассмеялась.

Руперт лишь улыбнулся в ответ.

–Как тебя зовут?

–Меня? – спросил Руперт из-за неожиданности вопроса.

–Ну не Ская же! – ответила девочка и хмыкнула, доволь-ная своей шуткой.

–Руперт... Руп я, – смущенно сказал он.

–А я Салли! – радостно выпалила она и протянула скольз-кую, всю в мыле, руку, которую Руперт с осторожностью по-жал.

Так и началось это знакомство, Ким.

Руперт опрокинул последние капли виски из рюмки себе в желудок. Ким улыбался в блаженстве от интересного расска-за. Сигара была почти докурена, когда он закончился. Пепел рухнул на пол балкона и разбился, будто был стеклянным, но без малейшего шума.

–Потрясающая история знакомства! – воскликнул он, буд-

то очнувшись ото сна. – Немногие могут похвастаться такой поразительной цепью совпадений! Ты заблудился, а она была просто в нужный момент в нужном месте, – рассмеялся он. – А что стало со Скаем? – взволнованно добавил Ким.

–Скай? – нахмурил брови Руперт, пытаясь вспомнить, что случилось столько лет наза., – А... – небрежно бросил он. – Он остался все в том же городе, когда мы переехали. За ним и сейчас присматривает мама Салли.

Ким прикрыл глаза, пытаясь представить себе уже повзрослевшего пса. Он осекся.

–А что Салли? Где она?

Руперт печально вздохнул.

–Это был самый страшный день в моей жизни. Врачи обнаружили рак слишком поздно, – он судорожно вздохнул. Еще минуту назад Руперт выглядел пятнадцатилетним подростком, а сейчас будто вмиг постарел. – Я до сих пор виню себя в том, что произошло. Все-таки, это я не уследил за ее здоровьем, – он нервно взял в руку бутылку виски, но, обнаружив, что она уже пуста, разочарованно поставил на место. – Она всегда выглядела такой жизнерадостной. Никогда бы не догадался, что она умирает. Даже в последние минуты своей жизни она улыбалась.

Ким сжал губы. Было больно слышать, как рушится жизнь людей. Руперт продолжал.

–После ее смерти... – он посмотрел в безоблачное ночное небо. – Карен тоже все помнит, хоть и ничего не говорит. Ей

было всего четыре с половиной года, когда это произошло. Поразительно, да? – он грустно хмыкнул. – Никогда не забуду эти маленькие ручки, которые схватили меня за плечи и направили мои полупьяные после бессонных суток, полных крепкого алкоголя, красные глаза в абсолютно серьезные глазки маленького ребенка, – слеза прокатилась по щеке отца. – Знаешь, тогда мне было стыдно.

В следующий момент Руперт презрительно хмыкнул, взял сигару изо рта Кима и жадно затянулся. Боль прожгла горло и легкие, но Руперт не закашлялся. Ким лишь смотрел на всю это картину.

–Тогда мне было действительно стыдно! – почти закричал Стоун, выкашливая остатки дыма. – Пьяный отец, у которого дочь психически взрослее его! Поразительно... – он вскочил с кресла и взглянул в глаза Киму, – Знаешь, что она сказала после?! – в порыве лютой ярости и ненависти к себе он кричал Киму в лицо. Тот сидел с испугом в глазах. – Она сказала, что мы должны жить за Салли, за маму! Ведь она так сказала, когда говорила дочери последние слова, – уже шепотом добавил он.

Руперт обессиленно плюхнулся в кресло.

Ким безмолвно сидел с возвращенной сигарой и потихоньку затягивался. Как же безумно трудно быть отцом, думал он.

Глава 4

-Отцом быть тяжело, – тихо прошептал Ким.

-Что ты сказал? – спросил Руперт, уже более-менее пришедший в себя.

-Да, так, – неуверенно ответил Ким. Раз настало время историй... – Хочешь, я расскажу все-таки как попал в больницу?

Руперт с прищуром посмотрел на него.

-Только не надо меня жалеть. Это еще больше меня выводит из себя, – ответил раздражительно отец семейства.

-Ладно, ладно, – тут же успокоил его Ким. – Не хочешь – не буду.

-Нет уж! – возразил Стоун. – Рассказывай. Все-таки я поделился с тобой своими личными воспоминаниями, так что теперь твоя очередь.

Мне было двадцать пять лет. Я только окончил университет и был свободен. Я мог идти хоть на все четыре стороны. Родителей к тому времени уже не было (проклятая автокатастрофа), поэтому из родных у меня не было никого. Кроме одного человека.

Его звали Артур Вальтер. Отличный, я тебе скажу, человек. Мы знакомы были с ним с детства, и он был мне как родня. Когда мои родители скончались, его приютили меня

под своей крышей до тех пор, пока я сам не съехал, за что я им очень благодарен. Как и благодарен за такого прекрасного человека, как Артур. В этом вот городе я провел всю свою жизнь, не поверишь. Никогда не переезжал, никогда не выезжал за границу! Но я отошел от темы.

Артур – человек просто потрясающий: светлые глаза, как и взгляд на мир, трудоголик, есть чувство юмора, отличная память и добрая душа. Мы с ним поступили в один и тот же институт, когда выпустились из одной школы, где проучились вместе с первого класса. Мне было приятно и спокойно оттого, что есть человек, на которого я смогу положиться в любое время, как на брата.

Поступили мы на журналистский факультет. Оба просто безумно мечтали стать журналистами, потому что тогда можно было бы ездить по миру и рассказывать остальным о новостях по всей планете. Было в этой цели что-то романтическое и сказочное.

Когда мне стукнуло двадцать пять лет, мы с Артуром поссорились. Причем поссорились из-за какой-то чепухи: вроде он ревновал свою девушку ко мне. Богом клянусь, между той особой и мной не было абсолютно ничего.

На собственный день рождения я никого не пригласил, не стал устраивать каких-либо сборов, потому что друзей у меня не было, кроме Артура. В этот раз мне было просто тошно от того, что он считает меня предателем.

Я сел за руль своего автомобиля и поехал в бар. А как же

еще справить день рождения одинокому человеку? Напиться!

Как сейчас помню то заведение... Ирландский паб. Зеленые стены, гладкая барная стойка, сделанная из дерева черного оттенка, бутылки самого различного алкоголя и пара-тройка людей, смотрящих матч по телевизору. Я присел на стул.

–Чего налить? – спросил тут же подбежавший бармен. Он был молод, лет двадцать, не больше. Острые скулы придавали парню хоть какое-то ощущение совершеннолетнего возраста.

–Что посоветуешь? – спросил неопытный я. Тем более было интересно мнение профессионала, потому что сам я в такие заведения заходил не часто.

–Могу посоветовать отличное пиво! Только завезли из Чехии, – ответил он с широкой улыбкой.

–Не, спасибо, – махнул рукой я. – Покрепче что-нибудь найдется?

–А то! – снова улыбнувшись, сказал он. – Виски?

–А вот это совсем другое дело, – согласился я. – Самого дорогого плесни-ка, – я решил немного растратиться в тот вечер. Как-никак, мой день Рождения.

Бармен обрадовался, ощутив высокую оплату, и пошел за бутылкой. На широком экране кто-то кому-то забил гол. Собравшаяся кучка фанатов хором застонала. Видимо, не их сегодня день. Бармен вернулся через минуту, держа в руках

старинную закрытую бутылку шотландского виски.

–Заведение ирландское, а виски шотландское? – с усмешкой задал я вопрос скорее себя, чем бармену. – Ну, что ж, давай.

Налив на треть стакана, юноша кинул внутрь пару кубиков льда и протянул мне.

Честно говоря, я в жизни до этого не пробовал виски. Я был непьющим, хоть и уже давно перевалил за совершеннолетний возраст. Не понимал, чего хорошего в алкоголе, ведь от него только печень сажается, и на утро голова раскалывается.

Но это виски заставило меня переосмыслить мое отношение к алкогольным напиткам.

С первым глотком меня сразу переполнили миллионы ощущений: приятное жжение на языке, терпкий вкус, тепло, распространяющееся по всему телу до кончиков пальцев и т.д. Но это не главное.

Этот глоток заставил меня почувствовать то, что я никогда не чувствовал – облегчение. И это было прекрасно. Умиротворение наполняло меня снова и снова, будто волнами накатывало на берег моего сознания. Я понял, наконец, что мне нужно от жизни! Не поверишь, но именно этот глоток сделал так, что я переосмыслил все, что я сделаю в будущем! Мне показалось, что на меня снизошло озарение с небес!

Каждый момент своей жизни я хотел прожить по-другому. Ведь не бывает одних и тех же моментов. Всегда, с каж-

дой секундой следующая меняется, и мир вокруг тоже становится другим. Я решил максимально менять эти мгновения. Так я начал свои похождения за приключениями.

Моя цель теперь заключалась в том, чтобы ощутить все эмоции. Абсолютно каждую эмоцию я должен был прочувствовать на полную катушку. Радость, печаль, страх, ненависть – все эти эмоции я должен был переосмыслить, заметить, как я их проживаю. Именно это и дало бы мне смысл жизни. И даже не важно, отрицательная или положительная ли она: главное, чтобы она была!

Залпом допив оставшийся виски, я кинул деньги бармену и мигом выбежал на улицу. Стояла пасмурная погода. Знаешь, такая погода, когда никто никуда не ходит, все остаются дома под теплыми шерстяными одеялами, смотрят какие-нибудь мыльные оперы и ни о чем не думают, кроме проблем, которые принесет завтрашний день. Я не мог так жить. Я должен был жить по-другому, по-особенному.

За руль садиться я не хотел, хоть и был уже предельно трезв. Не хотел наткнуться на полицию, а то еще проблем не оберешься после них. Поэтому я направился к дому Артура пешком.

Дождь лил, как из ведра. Капли проскальзывали за шиворот, щекотая спину и стекая вниз, рубашка прилипала к телу, а мокрые волосы (тогда у меня была шикарная шевелюра, скажу я тебе) постоянно лезли в глаза. Но мне было все равно.

Когда я дошел, уже стемнело. В домах горели огни электрических ламп, в окнах были видны готовящие у плит ужин женщины, смотрящие телевизор мужчины и играющие с игрушками дети. Я даже фыркнул от презренной мне теперь обыденности.

Артур жил на первом этаже в многоквартирном доме, поэтому я тихонько постучал в окно его однокомнатной квартиры, заметив друга, читающего вечернюю газету. Он оторвался от нее и с удивлением уставился в окно через половинки стекол своих очков. Глаза Артура расширились, когда он увидел своего друга. Парень тут же вскочил и выбежал из квартиры.

–Что ты тут делаешь? – спросил он, раскрывая схваченный по пути зонтик над головой. – Я же сказал тебе, что видеть не хочу тебя!

Я лишь ухмыльнулся.

–Как же ты мелочен, – сказал я. – Посмотри на себя: из-за каких-то необоснованных подозрений в измене ты сейчас без единственного друга и без девушки, которую ты любишь. Ты настолько глуп, что веришь сплетням, а не близким. Как же ты живешь так? Это ведь даже нелогично!

–Ты пришел, чтобы рассказать, как я глуп?! – взревел в ярости Артур. – Тогда убирайся прочь и в следующий раз я, клянусь богом, набью тебе морду!

Такой реакции я и ожидал от своего вспыльчивого друга.

–Чего тянуть? – проорал я, перекрикивая раскаты гро-

ма. – бей сейчас!

Мой друг широко раскрыл глаза.

– Не заставляй меня этого делать! – сказал он, отступая назад. – Я же сказал, в следующий раз! Сейчас я тебя мило-сердно прощаю.

– Нет, не утруждайся, – издевательски подметил я. – Ты всегда избегал драк, уж я-то тебя знаю. Так что давай, бей, раз веришь всему тому, что тебе наговорили твои псевдодрузья! Если ты умеешь слушать только их, то я не могу быть твоим другом, ведь меня-то ты не слушаешь! Бей, если веришь, что я действительно переспал с твоей девушкой, хоть мы и виделись всего пару раз! Бей, раз считаешь, что она долбаная шлюха!

Последнее слово я не успел договорить. Кулак Артура ударил меня с силой пушечного заряда. Хочу признать, как ни странно, удар у него был поставлен правильно. Это единственное, что я успел подумать перед тем, как упал на землю. Мокрый асфальт под щекой приводил в себя.

Артур сплюнул.

– Я ударил тебя не из-за того, что верю всему этому, – почти шепотом сказал он. Капли дождя падали мне на лицо, добавляя к подступающей боли ощущение холода. – Я ударил из-за отчаяния, как ни сложно мне это признавать. Ты оскорблял меня и мою любимую, и я понимал, что все, что ты про меня сказал, правда, а единственным способом тебя заткнуть был только такой способ, ведь я тебя тоже знаю:

начнешь говорить – никто не остановит, – он усмехнулся.

И он был прав. Я никогда не знал меры, и иногда мог доходить до оскорблений, не подозревая об этом. Эта способность мне и пригодилась тогда.

Я никогда не дрался. Даже ничего не ломал. Я не знал, что такое сильная боль, вот поэтому и решил так добиться ее, а просить прохожих ударить незнакомца – слишком безумно. Мое первое испытанное на полную катушку чувство была физическая боль в смеси с обидой на друга.

Если честно, боль мне не понравилась. Жгучее, ноющее и от любого движения ужасно колющее чувство – не из самых приятных. Но это было что-то новое для меня. Я был рад. Даже очень. Ведь я стал на шаг ближе к самопознанию, к своей цели пережить все, что только возможно. Может быть, я даже открою что-то новое для себя, какую-нибудь совершенно другую эмоцию.

Так и началось все это.

Ким развалился в кресле, с удовольствием вспоминая те деньки его молодости.

–Постой, но ты не рассказал, как попал в психушку, – нахмурил брови Руперт.

–Зато рассказал, что привело меня в психушку, – подмигнул Ким. – После этого случая у меня появилась цель. И, ко-

нечно же, мои поступки не могли оставить в стороне окружающий мир. Меня загребли в дурдом, когда я в одних трусах пробежался по всему городу в надежде познать истинное унижение. Слава Богу, что Артур к тому времени уехал из страны и приехал только тогда, когда продавал дом моих родителей по, моей же опять, просьбе.

Руперт широченными глазами смотрел на Сталлена. Это же уму непостижимо, чтобы человек вот так вот просто взял и стал жить не как все! Ну, или не совсем непостижимо. Если честно, можно было на секунду даже представить, что Ким живет правильно, и его мировоззрение верно.

–Надеюсь, нам не придется так бегать по городу? – с опаской спросил Стоун.

–Надейся, – подмигнул Ким.

Руперт повалился на кресло и не стал спрашивать, шутит Сталлен, или нет. Он с досадой посмотрел в пустой стакан, потом на пустую бутылку и вздохнул. Спустя немного времени, Ким снова заговорил.

–Думаешь, я сумасшедший? – риторически спросил он. – Скорее, сумасшедшие люди – те, кто тратит свое драгоценное время на повторяющиеся изо дня в день блеклые события. Это безумно скучно и мне отвратительно. Так жить нельзя.

Ким тяжело вздохнул. Сигара давно кончилась, а новую начинать не хотелось. Поэтому он достал обычные сигареты. На балкон вошла сонная Карен.

–Почему вы еще не спите? – спросила она, потирая глаза.

Руперт посмотрел на наручные часы. Было уже около трех часов ночи.

–Черт, а мы и правда засиделись, – сообщил он Киму. Тот одобряюще кивнул.

–Ну, вы как хотите, а я продолжать спать иду. Как хотите, – гордо, но вяло повторила Карен, развернулась и ушла.

Ким пожал плечами и затынулся. Потрескивание сигареты успокаивало его слух. Руперт посмотрел вслед дочери. Вскоре они с Кимом пришли к согласию, что надо тоже идти спать.

Как же сложно по утрам понедельника! Отец отправился на работу, а Карен осталась дома наслаждаться последними днями каникул. Ким проспал до полудня, а Карен проснулась раньше и приготовила завтрак им обоим. Яичница-глазунья у нее всегда получалась лучше, чем у кого-либо.

Ким, почувствовав аппетитный запах, как только проснулся, пошел на кухню. Карен уже расставила тарелки и столовые приборы, поставила вариться кофе и напевала песенку, которую слышала недавно по радио.

Они плотно позавтракали и неторопясь вышли на улицу. Повсюду куда-то спешили люди, наталкиваясь друг на друга, все в своих делах: кто-то на работу, кто-то на встречу, кто-

то гулял. Но все спешили.

– Знаешь, почему не следует торопиться, Карен? – спросил Ким, когда они не спеша вышли на узенькую тропинку, ведущую в лес.

– Потому что, если спешить, ничего качественно не получится? – попробовала догадаться она.

– Именно! – одобрительно воскликнул Сталлен. – Многие считают, что, поторопившись, они успеют больше, ведь время жизни ограничено. Но это не так, – помотал головой Ким. – Когда человек не спешит, у него остается меньше времени на безделье. Обычные люди тратят уйму времени, просто просиживая зад перед телевизорами, читая ненужные журналы, плюя в потолок, – Карен понимающе кивнула. – Но все эти люди, как только надо что-то сделать, начинают спешить. Зачем? Да чтобы больше времени просидеть, ничего не делая. Все люди ленивы.

Карен с жадностью улавливала каждое слово Кима. Ведь он всегда говорил что думал, и частенько он думал даже о правильных вещах.

– Люди спешат по делам, чтоб у них осталось больше времени, чтоб ничего не делать... Парадокс, – продолжал задумчиво Ким. – Чтобы ничего не делать, надо что-то сделать.

Так, в разговорах, они дошли до небольшой развилки.

– Знаешь, а давай поставим эксперимент? – спросил Ким.

– А? – удивленно посмотрела на него Карен.

– Вот смотри, эта развилка через несколько десятков мет-

ров закончится и сойдется опять. Давай сделаем так: ты пойдешь по одной дороге, а я пойду по другой. Встретимся на схождении дорог.

Карен согласилась и побежала по правой тропинке. Она побежала интуитивно, не задумываясь о чем-либо. Ей просто хотелось поспешить, обогнать своего спутника. Уже пахнувшие осенью деревья покачивались в такт дуновений ветра. Листья еще пока не опадали, но уже почти на каждом дереве было чуть меньше половины желтизны. Осень приближается.

Ким остался где-то далеко. Только ветер был спутником Карен. Он трепал распущенные волосы, шептал что-то на ухо и щекотал пальцы рук.

Наконец, тропинки снова сошлись в одну. Карен остановилась, восстанавливая дыхание и сердцебиение. Ким пока не появлялся.

Причем, довольно долго. Карен, уже восстановившись, ходила взад и вперед от скуки. Может, он заблудился? Или, может, он просто решил пошутить и ушел домой? Кто знает, чего можно было от него ждать. Стоуны так до сих пор и не смогли научиться предугадывать мысли Кима.

Она села на ближайшую скамейку. Вокруг не было никого. Лес был не слишком популярен, никто не проходил мимо Карен, а листья шелестели у нее над головой. Вялые, почти впавшие в спячку, насекомые еле передвигались.

Карен начала подумывать о том, чтоб пойти по тропинке

Киму навстречу. Как вдруг, он появился. Он шел настолько медленно, что даже улитка казалась быстрее его. Сталлен не спеша докуривал сигарету, а увидев девочку, помахал рукой и ускорился. Когда он дошел, Карен чуть ли не взорвалась.

– Ты где был? Почему так долго? Ты еще и покурить успел! – никак не могла успокоиться она. Ким с улыбкой слушал все ее расспросы, не собираясь даже отвечать. Когда Стоун закончила свою тираду, он произнес только одну фразу:

– Что ты делала?

– Ну, вначале я бежала, – начала Карен. – Потом прибежала и ничего не делала.

Ким улыбнулся.

– Вот именно! Ты поспешила и после ничем дельным не занималась, только ждала меня. Так же и в жизни. Человек все спешит куда-то, а когда остается свободное время, он даже не знает, чем себя занять. Вот я просто наслаждался каждым моментом прогулки и доволен всем. А ты напрягалась, тебе было скучно и ты разозлена. Вот к чему приводит спешка, – завершил он.

Они пошли в центр города. Руперт работал неподалеку, и Карен с Кимом решили занести ему обед в офис, за что тот был безумно благодарен. Они вместе пообедали в приятной

компании работников офиса.

Когда они вышли из здания банка, уже вечерело. Здания нависали над головами, и их огромные тени падали на все вокруг. Кажется, мир начинал тухнуть, угасать, солнце стояло невысоко, часто пролетающие по небу облака периодически загорали, а люди расходились по домам. Руперт остался в офисе: ему надо было доработать план на следующий месяц.

Стоун и Сталлен не спеша ходили по улочкам города, рассматривая старые и новые здания и беседуя о времени, когда Ким был молодым.

—А вот тут раньше стояла моя школа, — махнул Сталлен рукой на новенькое офисное здание, стоявшее на пригорке. — Здесь я познал свою первую любовь! — гордо добавил он.

—Расскажешь? — с надеждой спросила Карен.

—А чего ж не рассказать, — весело сказал Ким. — Она вначале меня в лоб не видела. Потом я однажды пришел к ней под окно и кидал камешки, чтоб она вышла. Я даже чуть не попал в нее, помнится. Она тогда еще серьезнее решила не выходить. Ну, а я что? — риторически спросил Ким. — Я пошел в ближайший магазин и купил уйму белых роз. Красный цвет она вообще ненавидела.

Карен полуслушала. Любовные похождения Кима не очень сильно отличались от обычной влюбленности парочки подростков.

—Она вышла, мы гуляли очень долго, а потом все чаще и

чаще выходили погулять, – продолжал Ким с энтузиазмом. – Мы так встречались около полугода, а потом она ушла к другому. Здоровенный был парень, скажу я тебе! До сих пор удивляюсь, как я расхрабрился заехать ему по животу. Правда, он в ответ повесил меня вверх ногами на дерево, а все мои школьные друзья проходили мимо и смеялись, – улыбнулся Ким. – Волшебное было время!

– Чем же оно волшебное-то, если тебя унижали твои друзья? – нахмурилась Карен.

– Вот честно, не хочу говорить эту заезженную фразу, но придется, прости. Она лучше всего подходит для такой ситуации, – вздохнул Сталлен тяжело. – Вырастешь – поймешь, – он поморщился и продолжил объяснять. – Когда проходит достаточно много времени, смотришь на прошлое с улыбкой. Всегда.

Он достал сигарету, пошарил по карманам в поисках зажигалки, нашел и закурил. Карен предусмотрительно немного отошла. Она терпеть не могла запах сигаретного дыма. Ким будто этого не заметил и продолжал.

– Когда вырастаешь, каждый следующий день становится чуточку серее. Ну, у обычных людей, я имею в виду, – добавил он поспешно. – Каждый следующий день чуть серее, а каждый прошедший загорается чуть ярче. Моменты, которые произошли в далеком прошлом, горят ярчайшим огнем, – он сделал паузу. – И самое главное: не важно, какого цвета пламя.

Он посмотрел на Карен, надеясь увидеть понимание в ее глазах и оценку его прекрасной метафоре, но, разочаровавшись, объяснил:

– Не важно, какого цвета пламя: красное, синее, хоть черное! Главное, что оно яркое. То есть даже если происходили в твоей жизни какие-то плохие моменты, они становятся событиями под маркой «Есть, что вспомнить». Эти моменты выделяются среди всех остальных, они уникальны. Можно даже гордиться, что это произошло именно с тобой, а ни с кем-нибудь другим! – он перевел дыхание, завозившись тушением сигареты о сырой асфальт. – Особенность и выделение – вот девиз прошлого! Хотя, не думаю, что можно гордиться тем, что тебя подвесили кверху тормашками на сук, – он рассмеялся. – Но это было со мной! И я с уверенностью могу сказать: этот момент я никогда не забуду!

Карен не до конца поняла, что говорит ей ее друг. Но она решила оставить эту тему для размышлений на будущее. «Вырасту – пойму».

Руперт шел домой. По его виду не скажешь было, что ему уже тридцать семь. В последнее время он очень изменился: помолодел, похорошел (даже проходящие мимо женщины частенько поворачивались в его сторону, но, замечая кольцо на его пальце, тут же отворачивались), повеселел. Цвет его

лица пришел в норму, порозовел, и на нем все чаще блистала улыбка. Наверное, так на него влиял странный Ким Сталлен, пришедший как будто из ниоткуда.

Руперт направлялся к дому, как вдруг заметил на фонарном столбе клочок бумаги, который его почему-то заинтересовал. Он подошел ближе, чтобы подробнее рассмотреть. Внезапно он сорвался с места и рванул на себя листок.

Где-то три четверти пространства на бумаге занимало лицо мужчины, а под ним была надпись: «Сбежавший пациент психиатрической больницы, рост – метр восемьдесят, Ким Сталлен. Очень опасен. Любую информацию сообщать по номеру...»

Руперт не дочитал до конца. На фотографии был изображен еле узнаваемый бывший пациент психиатрической лечебницы. На ней Киму было лет тридцать, шевелюра покрывала всю его голову, в глазах была невероятная тоска и несчастье. Скулы проступали очень отчетливо, будто кожа обтягивала череп настолько плотно, насколько это вообще возможно. Впалые глаза, синяки под ними и неестественно сжатые губы довершали картину. Наверное, эта фотография была сделана незадолго после поступления Сталлена в больницу.

Руперт рывком сорвал лист и по дороге домой, если попадалась такая бумажка, срывал ее. Всего он насчитал двадцать две листовки.

Когда он вошел в квартиру, Ким и Карен готовили вместе

ужин. Блюда на вечерней трапезе были верхом кулинарного искусства, как казалось Сталену: свиные отбивные и паста с рубленным беконом и яйцом.

Руперт, как только пришел, сразу прошел на кухню и положил листовки на стол. Карен первая радостно подбежала к ним, заинтересовавшись чем-то новым. Схватив лежащую наверху помятую бумажку, она вначале улыбалась, но потом улыбка сошла с ее лица, как гуашь со стекла во время проливного дождя. Она испуганно посмотрела на Кима.

–Ну, дайте уже посмотреть человеку, – возопил тот с интонацией мученика и выхватил лист из рук девочки. Улыбка с его лица слетела быстрее, чем у Карен, раз в десять. Он серьезно посмотрел на Стоунов.

–Что будем делать?

Они сидели вокруг столика в гостиной, а в его центре лежала кипа проклятых бумажек. Первым заговорил Руперт.

–На фотографии тебя не узнать. Ты очень изменился с тех времен. Может, никто и не заметит, – Карен в согласии закивала, но Ким покачал головой.

–Нельзя так просто надеяться на то, что никто не узнает меня. Нужно что-то предпринять, – уверенно отрезал он.

–Но что? – воскликнула Карен. – Мы можем только сидеть и ждать. Можем тебя спрятать, чтобы никто не увидел, –

предложила она, по-детски в нерешительности захлопав ресницами.

–Нет, это никуда не годится, – возразил Ким. – Что мне, вечно прятаться что ли? Мне и в лечебнице хватало четырех стен.

–Делать нечего, придется тебе немного подождать, – вступил в разговор Руперт. – Тебе придется быть осторожнее и не попадаться в большие компании.

–Может, мне как раз нужно попасть в большую кампанию, чтобы никто не заметил меня в толпе? – спросил Ким.

–Может, ты и прав, – задумчиво произнес Стоун. Карен смотрела на обоих испуганными глазами.

–Что же теперь будет? – в панике прошептала она.

Руперт был в настроении не лучшем, чем дочь. Он не знал, каким будет следующий шаг. Ким прокручивал в голове все возможные планы действий.

–Так, я вижу только один выход из этой ситуации на данный момент, – провозгласил Сталлен. – Нам придется побегать по городу и сорвать все эти листовки.

–Ну, уж нет, Ким, ты не будешь этим заниматься! – воскликнула Карен. – Это сделаю я!

–Я тоже постараюсь найти их всех, но у Карен и правда больше времени для этого занятия, – сообщил отец.

–Решено. Значит, я пока буду отсиживаться у вас, – уныло сказал Ким. Перспектива оставаться взаперти не очень-то радовала его.

Карен обежала город в последний раз. Хорошо, что он не слишком большой, а Карен знала в нем все улочки и дворы, ведь она облазила почти весь город в раннем детстве, пока отец был на работе, а бесполезная няня мирно спала на своем ответственном посту.

Последнюю листовку она нашла на двери калитки проклятой лечебницы. Семья Стоунов, да и сам Ким, обычно, обходили ее за километр, чтобы не попасться, а здесь надо было сорвать листовку так, чтобы тебя еще и не заметили!

Неподалеку прозвенел велосипедный звонок. Мальчонка лет десяти наматывал круги в парке метров от лечебницы. Как кстати!

– Мальчик, хочешь подзаработать? – спросила его Карен. Тот подъехал ближе.

– Мама мне говорит, что когда начинают говорить такое предложение, надо сразу убегать со всех ног. Особенно, если это говорят большие дяди, – сопя носом, ответил он.

– Я похожа на большого дядю? – смеясь, спросила Карен и, не дожидаясь ответа, объяснила. – Ты можешь на своем велосипеде поехать и достать мне вон ту бумажку? – она пальцем указала на калитку.

– А что мне будет? – заинтересованно спросил мальчуган. Карен порылась в своей сумочке. Недавно отец подарил ей

небольшой дешевенький перочинный ножик, чтобы в крайних случаях обороняться. Карен подумала, что он ей не пригодится, и протянула юному велосипедисту.

–Держи! – сказала она, и трогательно добавила. – От сердца отрываю! Подарок!

–А зачем тебе эта бумажка? – мальчик повернул голову набок. Наверное, подумал, что можно взять нечто более ценное, чем ножик, раз листок очень сильно нужен.

–Не хочешь – не надо, – хмыкнула Карен и начала показывать, что убирает нож в сумку. Мальчик сразу встрепенулся, боясь не получить хоть какую-то награду.

–Ладно, ладно, достану, – нехотя согласился он.

Разогнавшись до приличной скорости, он пролетел мимо двери калитки и ловко сорвал листок, слабо прилепленный на скотче. Сделав победный круг по двору, он вернулся за оплатой.

–На! – снова протянула парню ножик Карен. Он с горящими глазами принял плату и уехал разглядывать его в какое-нибудь укромное место. «Ох, и влетит же ему, если родители узнают про ножик», – подумала Карен. Но это уже были не ее проблемы. Она положила листок в сумку и направилась в еще один последний обход по городу. Через пару дней напряженная атмосфера улетучилась, и Ким снова стал выходить на улицу, а листовки пока больше не появлялись.

Карен было скучно. Ким вчера сказал, что сегодня должно произойти следующее "переживание эмоций" – так он это стал называть. Но пока что Карен было просто ужасно скучно. Обидно было проводить конец каникул вот таким вот образом.

Она сидела на балконе квартиры и медленно потягивала апельсиновый сок. Никого не было в доме, кроме нее. Отец был на работе, а Ким пропал с самого утра и не звонил (да, он купил себе сотовый телефон). Весь день до вечера прошел так медленно, как только можно было себе вообразить: минуты тянулись часами. Что только Карен не сделала за это время! Девушка помыла полы, приготовила шикарный ужин, погладила и постирала все грязное белье, выучила все уроки, которые задавали на лето, и даже поспала. Стрелки на часах показывали только шесть вечера. Красный и золотой цвета начинали наполнять город, каждую его улицу. Лучи заходящего солнца пробивались внутрь окон, и казалось, что по всему городу начинаются пожары. Завораживающее зрелище. Наверное, именно так должен кончаться август.

Карен уже начинала думать, что следующая эмоция – скука, как вдруг раздался звонок в дверь. Карен вмиг вскочила с теплого кресла, чуть не разбила стакан, второпях кидая его на стол, захлопнула дверь балкона и побежала встречать гостя. Первое событие за день! Может, теперь хоть что-то интересное произойдет!

В квартиру вместе с сигаретным дымом ввалился Ким Сталлен. Он выглядел весьма комично: шарф перекосялся, на руках была лишь одна перчатка, шнурки не были завязаны (Бог знает, как он не расшиб себе лоб, пока бежал по дороге), а глаза стремительно бегали из стороны в сторону. Однако взгляд его был суров и серьезен. Он произнес единственную фразу, которая заставила Карен схватить вещи и выбежать на улицу.

–Собирайся, – произнес он тихим басом. – Сегодня мы идем на кладбище.

–Но сегодня не годовщина ее смерти, – недоуменно со сбитым дыханием рассуждала Карен. Она бежала со всех ног, попутно застегивая пальто и надевая шапку, за Кимом. Он уже почти спокойно и просто целеустремленно шел к нужному месту быстрым шагом. Странно все это было.

–А разве тебе нужен какой-либо повод, чтобы навестить ее? – спросил Ким немного резко и чуть грубо. Это задело Карен. Ее мать заслуживала большего уважения. Девушка потупила взгляд и всю оставшуюся дорогу молчала.

Могильный мрамор. Холодный камень с золотыми буквами. Красота, которую не оценит ни один мертвец. Факт таков, что неприятные чувства всегда овладевают людьми, которые приходят на кладбище. Наверное, слишком страш-

но осознавать, что люди, которых они знали, любили, лежат здесь мертвые и больше никогда не улыбнутся миру. "Пусть земля будет пухом", – странная фраза, учитывая то, что мертвые никогда не почувствуют землю под ними. "Любящая жена, мать и дочь". Золотом и теплом отливала фраза на черном фоне могильной плиты. Немногословно, зато истинно. Салли Стоун находилась на глубине около двух метров и мирно спала вечным сном в этом месте, под этими словами.

Когда Сталлен и Карен подошли к могиле, уже почти стемнело. Жалкие остатки ярко красных лучей безжалостно били по глазам сквозь деревья, огибая стволы, словно гонщик препятствие. Могила заросла сорняками и травой, которая доходила Карен почти до груди. Надо было усердно поработать.

Взяв в руки мотыгу и секатор, они принялись за дело. Вокруг не было ни души. Хотя, может быть души окружали их, с интересом смотря на жизнь живых. Даже ветер редко подавал признаки жизни в этом странном и пугающем месте. Уже через час кропотливой работы на ладонях Кима и Карен появились мозоли.

– Ты помнишь ее смерть? – вдруг спросил Ким, прервав затянувшееся молчание и облокотившись на древко мотыги. Он был весь в грязи: руки, ноги, даже лицо. Ветер зашелестел в желто-красных листьях деревьев, раскачивая и заставляя стволы скрипеть.

–Если честно, то немного смутно, – ответила Карен. – Все-таки, десять лет прошло с того момента. Начинаю забывать.

–Твой отец все помнит, – куда-то в никуда сказал Ким. Его голос напоминал шепот ветра, шелестящего в волосах Карен. – Что именно ты чувствовала тогда?

Карен была немного удивлена вопросом. Почти никто не спрашивал ее о том дне и о ее эмоциях, кроме психолога, который работал с ней день и ночь в детском саду после случившейся трагедии. Она до сих пор поражалась тупости взрослых: как можно было заставлять ее переживать все заново в таком раннем возрасте, принуждая вспоминать все снова и снова? Она точно помнит, как каждая клетка ее мозга не хотела отвечать на расспросы, но ей приходилось выдавливать из себя ответ, чтобы сойти за нормальную. Наверное, тогда она повзрослела. Это повлияло на ее психику, но она этого не замечала. Девушка ответила другу по отрететированному сотни раз сюжету.

–Печаль, конечно. Самая банальная эмоция, знаю. Наверное, я тогда еще не совсем понимала и не осознавала, что происходит вокруг. Все казалось таким ненатуральным, – со-врала она, но потом подумала и добавила. – А может слишком хорошо осознавала.

Ким настороженно сглотнул от такого ответа.

–Ты так легко об этом говоришь... – промычал он. – Ответь честно, тебе ее не хватает?

–Знаешь, тут самое главное – смириться, – хладнокровно

ответила Карен и даже чуть улыбнулась, но как-то жалко и неестественно. – Зачем страдать по тем, кто уже не с нами? Надо идти вперед! – ее нижняя губа едва заметно дрогнула.

Сталлен грустно на нее посмотрел, будто на мертвую. В его глазах отображалась высшая степень сожаления.

– Может быть, ты права, но, не обижайся, это слишком черство с твоей стороны, – Карен судорожно вздохнула. – Ты выросла без матери, – продолжил Ким. – Неужели, тебе ни капельки не одиноко? Как-то слишком странно и даже немного эгоистично.

Комки земли вперемишку с корешками растений резко взмыли в воздух. Уже мертвый сорняк размером с небольшой кустик был резко выдернут с корнями из почвы маленькой девочкой. Ее правая рука была вся в небольших ранках от уколов шипов. Красные капельки собирались в струйку и легко стекали по стеблю, потом бесшумно падали на землю и пропадали из виду. Если приглядеться, можно было увидеть небольшие влажные пятна, смотря на которые сложно было понять, следы от крови ли это или от слез. Ким удивленно приподнял бровь.

– Ты думаешь, что одиночество меня ни разу не съедало? – тихо и не совсем своим голосом, полным ненависти, задала вопрос Карен. – Думаешь, легко мне было расти без матери? Никакой материнской ласки, никакой заботы и понимания со стороны. Все сама! Конечно, давайте считать меня эгоисткой только потому, что я старалась забыть. Старалась забыть

боль и слезы, вечно кипящую голову и мамины остекленевшие глаза! – она уже кричала. Ким внимательно смотрел на нее, прищурив один глаз. – Не забыв ту боль и не приняв ее смерть, я не смогла бы дальше жить!

Голова начинала раскалываться, как и много лет назад. Карен неожиданно осознала, что слезы безостановочно текут из ее глаз, а руки мнут и мнут чертов сорняк, несмотря на жгучую боль. Кровь еще сильнее сочилась из ранок.

Всем, даже ей, казалось, что плакать она не способна. Она всегда улыбалась и была сильной, никогда не поддававшейся слабостям... но не сейчас. Что-то вдруг поменялось, и психика ее пошатнулась. И что-то очень странно, что так легко и быстро. Она не ожидала такого от себя, но продолжала яростно изливать душу.

Сталлен достал сигарету и закурил. Он спокойно выслушивал тираду Карен, выдыхая витиеватые клубы дыма. Они бесследно растворялись в воздухе, пролетев несколько метров. "Неудивительно, что она сорвалась", – думал он, пока Карен кричала ему чуть ли не в ухо. – "Одиночество разъедает человека, копится по капле, откладывается в стакан терпения. Стоит лишь подтолкнуть человека, пошатнуть стакан, и он рухнет на землю, разбившись на тысячи осколков".

Карен в эти минуты было не до философских рассуждений. Она выкрикивала иногда абсолютно не имеющие смысла фразы, зрение ее было словно в туманной дымке, в голове проносились мысли со скоростями, выше скорости света, и

она не могла уловить их всех. Карен хватала первую попавшуюся, заряжала в свой язык и выстреливала в Кима в надежде ранить. Похоже, она промахивалась.

– Я безумно одинока! – кричала она. – Мне даже отца пришлось приводить в себя от шока, когда мне было четыре года! А я? Кто-нибудь подумал обо мне? Кто-нибудь поддержал меня? Нет! Поэтому я и закрылась от дурных мыслей и приняла смерть мамы! – она периодически всхлипывала. Ким произнес, перебивая Карен:

– Ты знаешь, что так нельзя, – сказал он резким, но спокойным голосом. Карен замолкла. – Принимая смерть вот так вот, ты просто откладываешь, закапываешь семена одиночества в землю. Но с каждым днем ты бессознательно поливаешь их своим горем, и когда-нибудь получившееся дерево принесет плоды, и ты ничего не сможешь сделать, кроме как оставить их гнить у тебя в душе.

– Что же мне делать, по-твоему? – голос Карен срывался на каждом гласном звуке. Она была в растерянности и даже подавила порыв расцарапать психопату лицо. Ким улыбнулся.

– А ты уже все сделала, – неожиданно произнес он. Карен недоуменно посмотрела на него и в растерянности захлопала ресницами. Она не могла понять, что же именно она сделала. Ким, увидев ее растерянность, начал объяснять.

– Тебе нужно было сорваться. Даже необходимо! Я представляю, как это сложно десять лет держать в себе ненависть

и чувство одиночества, ни с кем не делаясь и не выслушивая советов. Карен, людям свойственны и эти чувства, а отрешение от них ведет лишь к большому срыву в будущем, – он схватил девочку за плечи и продолжил. – Чтобы такого не случилось, надо выговариваться близким, плакать, кричать – устраивать так называемые микросрывы. Только не отказываться от эмоций! Они одно целое с тобой, и отвержение не поможет тебе смириться.

Слезы прекращали литься. Начинали гореть от высохшей соли глаза. Тяжелое дыхание и усталость вдруг навалились на девочку, как снежная лавина в горах. Карен обессилено упала Киму на руки. Солнце зашло, и последний одинокий луч полоснул по лицу давно ставшего другом психопата. Сигарета одиноко догорала неподалеку от кровавого сорняка.

Глава 5

Осень подкралась неожиданно. Подули первые холодные северные ветры, и первые желтые листья начали опадать с деревьев. Сентябрь... Как же мерзко звучит название этого месяца. Даже дрожь пробирала Карен от одного лишь его упоминания, а лицо выражало недовольство.

Юная Стоун шла в школу, думая о том, чем Ким будет заниматься, пока их с отцом не будет дома. Они оставили ему запасные ключи от квартиры, так что он теперь мог свободно уходить из нее. Как же быстро он прижился в семье Стоунов,

нередко удивлялась Карен.

Когда она заявила Киму, что не хочет идти в школу, а хочет «продолжить веселиться с ним», тот расвирепел. Он тут же собрал свои вещи (их было немного: зубная щетка, пара носков, джинсы, куртка и ботинки) и сказал, что если она не пойдет в школу, он уйдет, и Стоуны никогда больше его не увидят. Карен сразу же побежала собирать сумку и одежду к новому учебному году. «Учеба – крайне важная составляющая будущего каждого», – так говорил Ким. Потом он добавлял. – «Там всегда весело, и истинных друзей находишь!»

Отец как всегда подвез ее до школы и уехал в банк, а Карен направилась к ее уже почти собравшемуся классу. Одноклассники стояли небольшой кучкой и смотрели слегка надменно на остальных приходящих школьников, которые вяло расползались по своим местам. И неудивительно: они были последним классом, а значит и старшими в школе, не считая учителей. Она почти не видела на протяжении лета никого из них. Здесь собрались друзья Карен, которых она знала с начального класса, были те, которых она знала лишь один год, а были и совсем новенькие, стоявшие чуть поодаль, стесняясь познакомиться. Старые подруги тут же окружили подошедшую Стоун и начали обсуждать с ней свои летние приключения. Они засыпали ее вопросами и описаниями своих каникул, как кекс сахарной пудрой. Наверное, она была единственной, кто не знал всего произошедшего с ними, а значит, должна была непременно узнать, хочется ей этого или нет.

–Привет! Представляешь, Карен, я была в Испании! В этом году там была просто аномальная жара!...

–А мне вчера парень в любви признался, представляешь? Ну, тот, который на меня постоянно косо смотрел весь прошлый год...

–О, Стоун! Ты как поживаешь? Что нового?

Последнюю реплику выкрикнул из толпы девушек Ланс Боун. Они были знакомы с Карен еще с детского сада, и были отличными друзьями. И да, он был сыном небезызвестной Карен медсестры Маргарет Боун. Карен вспомнила это только сейчас, но не придавала этому особого значения, потому что человека не судят по его родителям.

–Привет, Ланс, – улыбнулась Карен, раздвигая толпу подруг, чтобы поговорить с ним в удобной обстановке, а не через кучу голов. – Да ничего нового, в принципе. Никуда не ездила, все лето с отцом. Зато город лучше узнала, друзей новых завела. Знаешь, а люди среднего возраста не такие уж и зануды, – добавила она, про себя улыбаясь при представлении лица Кима.

–Куда уж еще лучше город знать! – почти перебил ее Ланс. – Ты здесь родилась! – и тут же рассмеялся, довольный своей шуткой. После этого он добавил. – Новые друзья это хорошо. Тем более такой хороший человек, как ты, должен разбираться в людях, а значит и друзья у тебя хорошие, – он посмотрел на плотно сжатый вокруг них круг подруг, которые захихикали комплименту Ланса. – Может, потом позна-

комишь?

–Очень может быть, – улыбнулась Карен. Ланс выглядел загорелым, подросшим и более мужественным, чем в прошлом году. На подбородке виделись несколько редких волосков, скулы стали ярче выражены, а шевелюра так и осталась ослепительно белой. Однако изменился взгляд друга: он стал более серьезным, но в то же время в глубине его виднелась искорка смеха. «А он изменился», – заметила про себя она и тут же поинтересовалась. – А как твое лето?

–Ну, я летал с матерью на Фиджи, – без особого энтузиазма ответил парень. – Жарко до безумия, но океанская вода спасала прохладой. А вообще там весело, много веселых людей и мест, где интересно провести время.

–Здорово... – сказала Карен в никуда. Ей не терпелось, чтоб учебный день поскорей прошел, и она вернулась домой, где ее, скорее всего, ожидал Ким. Что-то она уже привыкла к этому странному человеку. Уже скучать начала.

Наконец, на крыльцо школы вышел директор. Все вмиг замолкли. Только где-то в задних рядах раздался негромкий детский смех, который утих через мгновение под грозным взглядом классной руководительницы. Директор помолчал, удостоверившись в абсолютности тишины, еще секунд десять и начал свою речь. Все взоры были обращены на него.

–Дорогие ученики. Первого сентября начинается новый виток в истории учащихся и преподавателей нашей школы. Уверен, что будущий учебный год подхватит эстафету твор-

чества, созидания и преумножения добрых традиций, порадует новыми свершениями.

У нашей школы замечательная история, нам есть чем гордиться. Убеждён, что вместе нам удастся не только сохранить то, что было накоплено, но и создать новое. Пусть время учёбы в этих стенах станет для вас временем добрых надежд, торжества разума, успехов и великих свершений. От всей души желаю всем крепкого здоровья и успешного учебного года!

Все зааплодировали. Ланс лишь демонстративно зевнул. Карен почти не слышала слов директора. Мысли ее еще остались в прошлом, где они с Кимом встретились и начали непрерывную погоню за нескучной жизнью. Она часто прокручивала в голове ту встречу и часто гадала, что бы произошло, если бы она тогда не пришла к калитке психиатрии.

Учителя вытерли слезинки из уголков растроганных глаз и стали провожать учеников первый раз за год в кабинеты. Послышались одобрительные и не очень возгласы. Ученики не хотели прощаться с летом, но что поделать? Учеба есть учеба.

«Слава Богу, сегодня только два урока, и те – классные часы» – подумала про себя Карен. Она сидела в классе с Лансом за одной партой уже пятый год. Были очень смешные моменты, тесно связанные с ним, но все осталось в прошлом. Был последний год учебы в школе.

Оба урока Карен полуслушала-полуспала. Она еще не

привыкла вставать так рано. Это предстоит наверстывать. Старенький учитель в потертом пиджаке и брюках рассказывал о предстоящих экзаменах, о планах на год и о предстоящей работе. Банальщина...

Но Стоун заметила что-то странное в поведении Ланса. Он сидел за партой с ней, как всегда, но часто как-то странно поглядывал на нее. Когда Карен одними губами спрашивала его «что?», он сразу отводил взгляд и отмахивался. Постоянное ерзание, бегающие глаза, беспокойность рук... Все выглядело как-то неестественно. Ланс никогда не нервничал.

После невероятно долгих двух уроков Карен тут же направилась к выходу из школы.

–Стоун!

Оклик заставил ее обернуться, когда она уже почти вышла из здания. Ланс бежал по коридору.

–Подожди меня! Давай я хоть до дома тебя провожу! – запыхавшись, выпалил он, как только добежал до удивленной Карен.

–Ланс, не стоит, – улыбнулась она в ответ. – Насколько я помню, последний раз ты меня провожал года два назад? – вспомнила Карен. Одноклассник как-то смутился.

–Прости... – извиняющимся тоном произнес он и тут же добавил. – Вот давай я и наверстаю упущенное!

Карен, в принципе, была не против.

Мокрый от утреннего дождя асфальт, проплывающие мимо дома, постепенно удаляющаяся школа – все это вызыва-

ло какую-то ностальгию. Неудивительно, ведь такую картину Карен наблюдала уже на протяжении многих лет каждый день. Листья не спеша опускались на землю, приликая к лужам и бесшумно покачиваясь под дуновениями ветра. Небо выглядело пасмурным, но Карен казалось, что дождя не будет еще долго: облака были серыми, но не тяжелыми, а влажность на улице была относительно небольшой. Трава еще была зеленой, но вскоре она должна была посереть и отмереть, а землю нежно, будто одеялом, укрыл бы тонкий слой снега, такой характерный для их города.

Они шли почти что тихо. Изредка Ланс что-то как-то нервно спрашивал, Карен коротко отвечала, и их путь опять погружался в безмолвие. Какое-то странное напряжение чувствовалось в их прогулке, между ними, но Карен не могла пока понять, из-за чего оно.

Наконец, из-за угла показался дом Карен.

– Вот твой дом? – спросил Ланс, указывая на небольшое пятиэтажное здание. Карен утвердительно кивнула. – Надо же! Все еще помню. – как-то на выдохе произнес Ланс. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу минуты две, что довольно сильно настораживало Карен. Через мгновение он неожиданно выпалил:

– Карен, я люблю тебя и любил с начала нашей первой встречи!

Фраза раскатилась эхом по переулку. Небольшая стайка голубей неподалеку встревоженно взлетела в воздух. Ноги

Карен будто отказались двигаться, вросли в холодный асфальт.

Ланс выглядел настолько беспомощным и растерянным, что его было просто жалко. Он никогда не выглядел таким... ранимым? Да. Наверное, это слово подходило лучше всего. Он выглядел так, будто выпавший из гнезда птенец ищет дорогу домой. Глаза его были широко раскрыты, но в следующее мгновение он взял себя в руки. Он закрыл себе рот ладонью, чтобы оттуда еще что-нибудь неправильное не вырвалось.

В голове Карен проносились мысли со ужасающей скоростью. «Что делать», «Что сказать», «Ответить взаимностью», «Убежать» – они повторялись и повторялись, перемешиваясь и спутываясь. Она не знала, что делать.

–Ланс...

–Что?! Прости меня! Я не хотел так неожиданно! – Ланс говорил торопливо, слова путались. – Забудь.

–Ты прости меня... Я... Я просто не могу, – наконец сказала Карен после минутной заминки. «Да, отказать – самое верное решение». Ланс был отличным человеком, но как пара они никак не могли существовать. – Ты мне как брат! – сказала она почти заезженную фразу, которая рубанула Лансу по сердцу.

–Понятно, – криво улыбнулся он. – Ну, что ж. Буду радоваться тому, что есть! – неестественно высоким голосом сказал он. Потом он развернулся и ушел в сторону автобусной

остановки. Карен провожала его взглядом.

Как же так...

А что если он сейчас что-нибудь сделает с собой?

–Ланс!

Он мигом обернулся. На лице его была грустная и растерянная улыбка, а глаза были полны беспомощности.

–Ты поговори с кем-нибудь кроме меня, – сказала Стоун. Боун утвердительно кивнул и зашагал прочь. Карен тоже медленно направилась домой, почему-то продумывая каждый свой шаг и замечая каждую пылинку и трещинку на нем. Ей надо было занять свои мысли чем-то кроме Ланса.

Ким готовил блины. Они получались чересчур толстыми, не пропёкшимися внутри, что придавало им довольно странный, но неожиданно приятный привкус.

–Как первый день? – задорно спросил ловко подбрасывающий блины Сталлен, когда ошарашенная Карен вошла на кухню и плюхнулась на первый попавшийся стул. – Вижу, что не очень, – усмехнулся Ким.

–Ну, все было вполне обычно... – дрожащим голосом начала Карен. – Пока... – она расплакалась.

Слезы текли и текли, Карен не могла их остановить. Она правда старалась, но не могла. Ланс...

Все эти годы, которые они провели вместе, и правда были

потрясающими. Больше чем дружба была между ними... но точно не отношения. Брат. Да, именно так она и относилась к нему. Разве можно встречаться со своим родным братом?

Нет, она правильно поступила. Солгала бы, только бы хуже сделала. Но она так ранила человека! Ему сейчас, наверное, безумно больно. Какая же она сволочь!

Ким слушал ее давно начатый сквозь слезы рассказ и вникал. Она иногда прерывалась, чтобы вытереть слезы или перевести дыхание. Когда Карен смолкла, он подождал еще немного и сказал:

– Не вздумай винить себя! И не вздумай винить его! Никто из вас ни в чем не виноват. Кто ж управляет всеми этими отношениями, спросите вы? Никто, – он глубоко вздохнул. – И одновременно вы вместе. Ты поступила правильно. Если б ты дала ему надежду, было бы гораздо хуже. Надежда в таких случаях убивает. Человек просто не способен смотреть правде в глаза, он ожидает, что ты ответишь ему взаимностью. Но мы же оба понимаем, что даже через несколько лет ты не сказала бы «да». Так что успокойся. Да, ты его ранила. Все через это проходят. Не ты первая, не он последний.

Карен слушала и слушала Кима. В каждом слове была доля правды. Ни в коем случае нельзя было врать. Все получилось так, как должно было.

Блины давно уже сгорели на сковороде, заверещала пожарная охранная система, и Ким с Карен, будто очнувшиеся от оцепенения, принялись проветривать помещения кварти-

ры.

На следующий день Ланс не пришел в школу. Как и на день после этого. Он появился только через неделю, веселый и непоколебимый, как всегда. Карен ничуть не удивилась его настроению, но в ее памяти навсегда остался тот «чувствительный» Ланс с кривой улыбкой.

Дни шли за днями. В отличие от летних школьные деньки неслись безумно быстро, иногда даже незаметно, будто проглатывались каким-то огромным чудовищем с именем «Время».

—Обещали, что скоро пойдет снег! – говорил каждое утро на протяжении нескольких недель Ким. И следующее утро не приносило ни снежинки. Карен с отцом все старались убедить Сталлена, что снег пойдет еще не скоро, но безуспешно.

Однако время шло, дни становились все короче, солнце ходило за облаками все ниже и ниже, и невозможно было по нему определить, утро сейчас или уже вечер. Каждый день холодало, и семья Стоунов с Кимом уже давно выходили на прогулки в теплой одежде. И вот однажды...

Снег. Белые снежинки падали с небес, как будто кто-то рассыпал там наверху белые тающие конфетти. Падая на землю, они тут же таяли, но уже через несколько часов образовался небольшой «хлипкий» слой снега. Ким, который

просыпался раньше всех, радостно завопил, увидев, как снегом покрылось все вокруг, чем и разбудил Стоунов.

–Снег! Сне-е-ег! – кричал радостный Сталлен, будто первый раз видел белого предвестника зимы. – Пойдемте лепить снеговика!

Карен и Руперт еще протирали глаза ото сна, когда Ким бесцеремонно швырнул им одежду в лица и заставил одеваться, убеждая пропустить даже процесс чистки зубов.

После неприятной для отца с дочерью процедуры одевания они все выбежали во двор. Нет ничего приятнее вдохнуть морозного воздуха с утра. Снежинки падали на лица и сразу таяли, превращаясь в капельки воды. Ким так и не смог слепить снеговика – было слишком мало снега. Зато они довольны наигрались в снежки. Соседи с удивлением смотрели на все происходящее во дворе, прилипнув носами к стеклу и, скорее всего, даже чуточку завидовали.

Мокрые и довольные утром выходного дня они пришли обратно в квартиру. Умывшись как следует, высохнув и расслабившись, они позавтракали имбирным печеньем и какао с зефиром. Аромат напитка проникал внутрь, согревая каждую замерзшую клетку. Нет ничего приятнее зимнего утра воскресенья.

–Ну что, похоже, хватит расслабляться! Зима наступила, а это значит, что мы будем готовиться к холодам! – наигранно строго объявил Ким. – Каждому из вас я дам собственное задание, которое вы обязаны выполнить за сегодня. Ру-

перт, – указательный палец направился на главу небольшого семейства Стоунов. – Ты должен будешь сходить в магазин и купить все необходимое! Список я тебе дам. Теперь ты, дитя, – обратился он к Карен, отчего она насупилась.

– Не называй меня так! Мне, все-таки, уже 15 лет! – надулась она.

– Ладно, ладно, – перебил ее Ким. – «Мадам»! Так лучше? – усмехаясь, спросил он.

– Гораздо! – по-театральному всплеснула руками Карен.

– Ну и отлично, мадам! Вас я попрошу остаться здесь и помочь мне прибраться в квартире. У нас тут чертовский беспорядок! – подражая джентльменам прошлого века, ответил Ким.

Карен нехотя согласилась. Лучше б она пошла по магазинам.

«Лучше б я помог убраться дома», – думал Руперт, изучая длиннючий список, который торжественно вручил ему Ким. Тут были всевозможные вещи и продукты: от малинового варенья до шерстяных перчаток самого большого размера. Зачем все было это нужно Киму, никто не знал.

Руперт завершил свое путешествие по магазину только к вечеру. Невероятная груда продуктов, одежды, бытовых приборов и еще много чего была расфасована по пакетам. Ко-

гда Стоун загрузил все покупки в машину, было около шести вечера. На улице уже почти стемнело, снежинки казались обыкновенным явлением, а машины по трассе ездили очень медленно, боясь заноса и неожиданных аварий.

Добравшись до дома, он взвалил все, что купил, себе на плечи и, пошатываясь, побрел по лестнице на свой этаж. Какая неудача, что лифт сломался в такой неподходящий момент.

Дверь была открыта нараспашку.

Руперт свалил покупки в коридоре и встревоженно побежал вглубь квартиры, но обнаружил только еле мокрую швабру, небрежно брошенную в углу гостиной. Волнение подступило к горлу.

«Что за чертовщина происходит?» – только это крутилось в голове у Стоуна. Еще раз обойдя квартиру, он снова ничего и никого не нашел. Квартира была пуста, и пустота психологически давила на Руперта. Тишина закладывала уши Стоуну.

Он направился в ванную комнату. Умывшись холодной водой, он прислонился лбом к стеклу зеркала. «Да где же все?!» – в сотый раз проскочило в мыслях. Он тяжело выдохнул.

Нет, наверное, всему этому должно быть объяснение. Они наверняка вышли погулять, или пошли навстречу ему.

Но почему тогда дверь в квартиру была распахнута настежь?

Посмотрев на свое жалкое, несчастное лицо в зеркале, он не без удивления заметил, что постарел. Но Руперт вытряхнул эту ненужную мысль из головы резким движением, от которого чуть хрустнули шейные позвонки. Что-то было не так с этим зеркалом.

Точно! На запотевшем от его дыхания стекле была неотчетливо видна буква «Р». Руперт открыл горячую воду на полную катушку и закрыл дверь, чтобы пар не выходил наружу. Через некоторое время он смог прочитать все, что было написано кривым почерком на зеркале.

«Руперт, не ищи ее. Она уже в другом мире».

– Ч-что за бред?! – вскричал Стоун. Разум был затуманен невероятной яростью. – Как такое возможно? – Руперт с размаху ударил кулаком по стеклу, отчего то разбилось вдребезги. Серебряные осколки падали на кафельный пол, с косяшек на кулаке капала ярко красная кровь. Стоун тяжело дышал. Ну нет! Это просто сон!

Он сильно ущипнул себя за руку. Ничего не почувствовав, он даже как-то вмиг успокоился, пока не увидел капающую кровь. Сразу же болевые ощущения вернулись на место. Кулак через минуту болел сильнее некуда. Да и место, где он ущипнул себя, начинало побаливать, предвещая небольшой синяк.

Руперт быстрым шагом направился к шкафу с лекарствами, нашел щипцы, бинты и банку спирта. Продезинфицировав рану, он начал вытаскивать по одному кусочки зеркала.

Каждый следующий кусок приводил его мысли в порядок.

Вытащить все куски стекла.

На железный поднос звонко упал мелкий осколок.

Найти Кима Сталлена.

Еще один окровавленный кусок стекла вытащен.

Убить Кима Сталлена, если с дочкой что-то случилось.

Последний осколок давался ему особенно непросто. Он зашел очень глубоко, и Руперт вскричал от боли, когда нащупал его щипцами. Слезы навернулись на глаза. Стоун-старший через мгновение обнаружил себя рыдающим в голос. Крик боли физической и моральной был страшен. «Нет, Карен не может быть мертва», – судорожно губами повторял себе Руперт.

Кусочек стекла гулко ударился на холодный металл.

– Как я мог впустить сумасшедшего в свой дом?! Почему я был таким дураком?! – не своим голосом закричал Руперт. Слезы опять накатились на его глаза, и Руп поперхнулся своими рыданиями.

Около получаса он провел в пустой квартире, пытаясь найти еще хоть какие-то зацепки. «Она уже в другом мире» – отдавалось в голове Руперта.

Бесконечная пустота, бессмысленность жизни, суицидные мысли – все смешивалось только от одного представления смерти Карен. Тошнота подходила к горлу, как только он вспоминал лицо Сталлена. Руперт поймал себя на мыслях о том, что уже представляет труп дочери. Он сразу же отбро-

сил в сторону такие дурацкие картины.

Глаза горели от уже высушенных слез. Кулак неприятно покалывало, а голова не на шутку болела. С трудом проглотив таблетку аспирина и запив ее коньяком, он вышел на улицу, даже не задумываясь о том, чтобы запереть дверь.

Снег падал. Точнее, он просто опускался вниз настолько медленно, что можно было поймать сразу несколько снежинок одним движением руки. Повернув голову к уже ночному черному небу, Стоун чувствовал каждую снежинку, опускающуюся ему на лицо. Снег таял, и вода смывала соль, оставшуюся после слез. Руперт судорожно вздохнул. Пар игристыми клубками вырывался изо рта.

—Я ни за что не прощу себе этого, — твердо сказал шепотом Стоун.

Медленным шагом он пошел. Просто пошел, не зная, куда направляется. Он позволил своим ногам двигаться самостоятельно. Прохожие торопились по домам в свои уютные кровати к своим уютным родственникам и уютным разговорам. Вечер воскресенья...

Снег попал за шиворот. Заставив Руперта выгнуть спину, словно кошка, вода стекла вниз по позвоночнику. Вода...

Живот свело от неожиданности.

«Она уже в другом мире» Что же...

Его ноги уже несли внезапно наполненного надеждой отца по нужному направлению.

Тускло и прерывисто помигивала вывеска. Удивительно было, что она вообще работала, ведь место было заброшено уже много лет. Зачем только тратилась электроэнергия?

Надпись «Другой мир» мерцала в ночи. Аквапарк не давал никаких признаков жизни. Казалось, его никто не посещал уже целую вечность.

Руперт перепрыгнул полутораметровый забор, словно обычный бордюр, и побежал к главному входу. Замок был сломан на протяжении нескольких лет. Руперт беспрепятственно вошел внутрь.

Он прошел пост охраны и раздевалки. Идя по коридору, мужчина все никак не мог поверить, что тут никого нет. Надежда все еще теплилась внутри него. Он обязан был обойти каждое помещение, проверить каждый метр здания. Сердце замирало после каждого следующего шага. Глаза, уже привыкшие к темноте, бегали, разглядывая все вокруг, а уши, казалось, могли слышать любой шорох на расстоянии нескольких километров. Но ничего необычного не было ни видно, ни слышно.

Дойдя до конца коридора, Руперт открыл дверь в зал самого аквапарка.

Холод. Он сразу же почувствовал его, как только зашел. И неудивительно. Ведь целое ведро снега упало ему на голову.

–Как-к ты м-м-мог! – все не мог успокоиться Руперт, завернутый в одеяло, с чашкой горячего чая с коньяком. – Я же и правда поверил! Это не смешно! – добавил он, видя, как Карен с Сталленом снова давятся от хохота.

–На это и было рассчитано, друг мой! – сказал Ким, угомонившись. – Я же оставил тебе все, что надо было, чтоб догадаться, где мы находимся.

–Да уж! Только ф-ф-фраза «она в другом мире» им-м-еет н-н-несколько значений! – прерывисто сказал замерзший Руперт, у которого зуб на зуб не попадал. – Я просто не могу понять, зачем вы это сделали?

–Ну, тут все предельно просто, многоуважаемый Руперт Стоун! – торжественно и с удовольствием продекламировал Ким. – Карен я сказал, что мы немного подышим воздухом, и вывел ее на улицу, – он подмигнул дочери Стоуна. – После этого я быстро вколол ей морфина и притащил сюда, как только ты ушел. Дальше я вернулся в квартиру и написал на стекле нужные указания. Мне оставалось только ждать!

Карен опять прыснула от смеха, глядя на встревоженного отца. К ней присоединился Ким.

–Все было так, кроме момента с морфином, – успокоила она отца через минуту. – Ким мне все объяснил, и я согласилась.

–Видите ли, – перебил Карен Сталлен. – невероятное

сочетание отцовской любви и беспощадной безысходности смерти дают потрясающий эффект! Вы его наверняка ощутили! Разве вам не хочется жить после того, как вы поняли, что ваша дочь жива? – подмигнул отцу Ким. – Уверен, вы даже подумывали о суициде.

Мысленно Стоун согласился.

–Понимаете, кон-траст! – это слово он произнес по слогам. – Что, по-вашему, значит это слово?

–Противоположность? – осторожно и догадливо спросила Карен.

–Именно! – удовлетворенно воскликнул Ким. – Разве вы не замечали, что когда сделаешь что-то правильное, хочется чего-то неправильного? – спросил он и, увидев непонимание на лицах, пояснил. – Например, через небольшое время после серьезного разговора, хочется рассмеяться, как хочется воды после засушливой погоды, как хочется обнять любимого человека после долгой разлуки? – он опять посмотрел на семейство Стоунов, удовлетворился их киванием и продолжил. – Человек не может жить без контрастов! Ему нужно, чтобы что-то переходило во что-то противоположно другое, ведь если заикнуться на чем-то одном, другого будет не хватать.

–А если ничего не делать, хочется сразу чего-то сделать! – воскликнула более-менее понимающая Карен. – Все должно быть уравновешено! На каждое действие должно быть противодействие, – вспомнив физику, добавила она.

–Что-то вроде этого, – согласился Ким. – но не совсем. Просто это надо почувствовать. Без одного абсолютно противоположного элемента нельзя жить. Как если бы не было войн, мы бы не знали, что такое мир, и принимали это, как само собой разумеющееся. Если бы мы вечно жили, было бы перенаселение планеты, поэтому нужна смерть. Как-то так... – он уставился в одну точку. В последнее время с ним это происходило все чаще. Через пару минут он «отлип». – Ясно?

Стоуны кивнули.

–А теперь допивайте чай, и пошли домой, – сказал Сталлен.

–Черт... – побелел Руперт. – Я дверь не закрыл.

Глава 6

Дверь была открыта нараспашку, когда Ким с семейством взбежали по лестнице подъезда. Руперт подошел к двери квартиры первым, а Карен и Ким были еще чуть поодаль. Даже не подошел, а скорее подлетел, боясь незваных гостей. Как оказалось, не зря.

Взволнованные Ким и Карен подошли к остановившемуся, как вкопанному, Руперту, когда из двери вышла небольшая группа людей. Трое были в полицейских фуражках, а четвертая персона...

Стоунам и Сталлену показалось, что их окунули в ледя-

ную воду. Мир пошатнулся перед ними. Холодные темно-синие глаза со злорадством смотрели на троицу. Светлые волосы были аккуратно собраны в пучок за головой, которую украшал огромный красный крест на белом фоне. Руперт стоял с недоумевающим видом, а Карен чуть приоткрыла рот от удивления. Наступила гробовая тишина. Первым заговорил Стоун-старший.

—Что вы себе позволяете? Это же моя квартира! Кто дал вам право? — возмущенно воскликнул он. На это женщина в ярко красных каблуках только широко расплылась в улыбке, а один из полицейских сказал что-то про ордер на обыск помещения, на что Руперт начал возражать. Они стояли и спорили, но все напряжение сконцентрировалось вокруг другой пары.

Ким и главная медсестра психиатрической лечебницы Марго Боун смотрели друг на друга. Карен будто не слышала спорящих с ее отцом полицейских. Все ее внимание было нацелено на пару Боун-Сталлен. Казалось, что ненавидящие взгляды Кима и Марго сейчас материализуются, молнии будут пробегать между глазами сбежавшего пациента и медсестры, краска на стенах начнет слезать от безумной температуры, а через мгновение станет настолько холодно, что даже атомы остановят свое непрерывное движение. Ощущение ненависти витало в каждом кубическом миллиметре воздуха вокруг них. Из атмосферы будто сочился сок гнева и ярости. Это было что-то вроде битвы, от исхода которой зависит

судьба всего мира. Этот «спор» взглядов был на самом деле недолог, но казался вечным, словно жизнь.

Марго была похожа на довольную жабу, которая только что схватила огромного жука и собирается его проглотить, предвкушая его вкус. Бывший и, скорее всего, будущий пациент сверлил ее взглядом, остроты которому не было равных. Будто психологический бур сверлил ответный яростный луч Маргарет. Уже все три полицейских о чем-то разгорячено спорили с отцом Карен, как вдруг Марго громко и отчетливо оповестила всех присутствующих:

–Сталлен отправляется обратно в лечебницу и точка. На этом и закончим. Не станем предъявлять им обвинение в суд.

Полицейские сразу умолкли, вполне довольные решением. Конечно, не надо заполнять бумаг и тратить много времени при таком решении. Руперт округленными глазами смотрел на Марго, но через минуту этот взгляд сменился взглядом смирения. Карен была готова расплакаться, а Ким все так же мысленно резал медсестру Боун на кусочки. Карен никогда в жизни не видела такой ненависти во взгляде у человека. Глаза девочки заблестели от слез.

Самый толстый из полицейских надел наручники на Кима, и его повели вниз по лестнице прочь от пролета, где все и происходило. Заключенный под стражу пациент не смотрел на ставших семьей Стоунов. Взгляд смиренно был направлен в холодный плиточный пол подъезда.

–Как же так... – все повторяла Карен шепотом, а Руперт

смотрел через мутное стекло подъездного окна вслед машине копов, которая увозила лучшего человека, которого он знал, в неволю. Прошло около двадцати минут, но Стоуны все смотрели на последний поворот, за которым скрылась машина. Еще очень долго торжественный цокот каблучков медсестры отдавался в их головах.

-Надо что-то делать.

Эту фразу сказал Руперт на вечер послезавтрашнего дня. Снег за окном не переставал покрывать все вокруг белизной весь предыдущий день, Карен проводила все время, смотря в грязное стекло, а Руперт нервно пытался читать газету, сходить за продуктами, поработать. Но буквы не складывались в слова, а слова в предложения, список продуктов перемешивался в голове, а работа казалась бессмысленной и скучной. Сегодня его терпение лопнуло.

Встав с кресла, он подошел к Карен и посмотрел ей прямо в глаза. Эти два дня прошли для семьи Стоунов самым тяжелым образом. Казалось, что хуже дней не может и быть. Они превратились в абсолютно неинтересную, серую череду событий, ничто не приносило красок в жизнь. Да и как могут казаться красочными унылые просмотры телевизионных викторин, поход в магазин и молчаливые ужины вдвоем? Карен с отцом практически не произнесли ни единого

слова друг другу с тех пор, как Ким покинул квартиру Стоунов. Все вокруг казалось серым, скучным и блеклым, лишенным смысла.

Посмотрев на отца в ответ, Карен увидела в глазах поразительную решимость. Она поняла все без слов.

–А мы сумеем? – робко спросила она и обняла отца за шею.

–Люди чаще жалеют о тех поступках, которые они не совершили, чем о совершенных, – серьезно ответил ей отец.

За эти два дня с Кимом произошло многое. После разговора с управляющим лечебницы, у него было только единственное желание: умереть. В первый день весь оплеванный слюной Смита он проследовал в смиренной рубашке на первый этаж в его «новую» палату. Ну, в действительности, новой ее нельзя было назвать: штукатурка с потолка облезла пластами размером с оконное стекло, уже не оставившие никакого рисунка обои отклеивались от малейшего прикосновения, а деревянные половицы скрипели от любого движения в этом маленьком личном аду. Окон не было, а в двери была маленькая дырка только для того, чтобы просунуть тарелку с едой внутрь. Даже лампочки не было, как и света вообще. Глаза от темноты болели весь первый день. Или ночь. Ким так и не разобрался, какое время суток сейчас там,

снаружи. Тут была вечная ночь.

–Сталлен!

Грубый голос эхом разнесся по коридору, щель в двери открылась, и на пол упала металлическая тарелка с комкастой жижей, которая должна была, по сути, быть картофельным пюре с мясом. Но что-то не очень она походила на такой деликатес. Или вообще на что-то съедобное. Грохот металла о пол и неожиданный крик разбудил нескольких особо буйных больных, и уже вскоре отовсюду слышались стоны и истошные вопли.

–А ну заткнулись! – начал было надсмотрщик, но осекся, хмыкнул и шепнул в щель. – Наслаждайся обществом, урод, – и с хлопком захлопнул отверстие, чем вызвал еще большее недовольство окружающих.

–Козел, – подумал Сталлен. Или произнес вслух. Здесь нельзя было определить, что ты делаешь. Была тьма, губы не слушались от холода, и непонятно было, думаешь ты или говоришь, потому что все чувства притуплялись в такой обстановке. Нашупав тарелку из ледяной стали, он понюхал вначале отбросы адской кухни лечебницы и понял, что есть тут нечего. Тем более они могли запросто его отравить и списать все на суицид или странную болезнь. Кого волновала жизнь или смерть психопата? На первом этаже особо буйные даже иногда ухитрялись свести счеты с жизнью, и это просто забывали и хоронили их на кладбище неподалеку.

Оттолкнув тарелку с едой (если это, все-таки, можно было

так назвать) в сторону, он схватился руками за голову. Как же так? Столько времени от лечебницы ни слуху, ни духу, а тут так сразу и поймали.

Делать нечего, поймали – значит, поймали, и от этого никуда не деться. Придется провести здесь остаток своей скудной жизни.

Но нет, что за глупые мысли! «Я смогу выбраться отсюда», – прошептал Ким самому себе и, услышав свой голос, удовлетворительно улыбнулся.

Карен твердой поступью двигалась по темной улице в сторону дома одноклассника. Фонари уже озаряли своим желтоватым светом большую часть улиц, так что в дополнительном освещении не было надобности, хоть Карен и взяла с собой карманный фонарик на всякий случай. Она никогда не была в этой части города, однако ее друг жил здесь с рождения. Найти дом было не так-то и сложно, особенно имея при себе точный адрес, который она узнала у старосты, и карту города. Тем более домина-то был огромный. Гораздо труднее было просить друга о такой серьезной и одновременно странной услуге.

Красная дверь коттеджного дома предстала перед девочкой. Тусклый свет от лампы над крыльцом придавал краске на дереве жутковатый кровавый оттенок. Карен неволь-

но поежилась. Мурашки пробежали по спине, а на лбу проступили капельки холодного пота. Она мгновение постояла в нерешительности, но все же негромко постучала. Нельзя было ничего не предпринимать, а без его помощи ничего не получится.

За дверью послышалась возня. Раздался знакомый голос и встревоженный собачий лай. Похоже, хозяин указал псу его место, тот сразу же затих, и в спешке подбежал к двери. После небольшой заминки с открытием замков, дверь плавно открылась, и светлая шевелюра любопытно высунулась из ее проема.

Ланс Боун широкой, но, правда, немного удивленной улыбкой встретил Карен. Та стояла в нерешительности, боясь двинуться с места, и смотрела в его глубокие серые глаза, не решаясь сказать и слова.

–Ну, что ты? – в конце концов, с усмешкой спросил Ланс, которому уже надоело ждать вопроса. – Хочешь пройти? – гостеприимно пригласил внутрь он Карен. Она категорично затрясла головой.

–Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, – начала она. – Может быть, это покажется использованием тебя, потому что ты меня любишь... – она осеклась. Что за бред вообще она говорит? Она вытряхнула из головы ненужные мысли и начала по делу. – В общем, мне нужно, чтобы ты позвонил своей матери и сказал, что с тобой что-то случилось, – начала она наспех объяснять. – Только так, чтобы она поверила и

приехала сюда. И еще тебе надо придумать историю, чтобы выпутаться, когда она придет, – посоветовала Карен. – И лучше не спрашивай, зачем! Это долгая история, а времени совсем нет. Я тебе потом расскажу, – пообещала она. – Еще раз прости, но я тебя на коленях умоляю: сделай то, что я тебя прошу!

Ланс смотрел на Карен, как на сумасшедшую. Уже какая-то нервная тусклая тень улыбочки кривилась на его лице, а в глазах был скорее страх и настороженность, чем веселье.

– Ты мне все потом расскажешь? – спросил он уже серьезно. Любопытство донимало его, как всегда.

Карен в ответ закивала. В ее душе затеплилась надежда: может, все получится?

– И это не использование меня, – заверил девочку Ланс. – Мне просто очень хочется тебе помочь, как очень хорошему человеку и другу, – он сглотнул после этого слова, но потом твердо добавил. – Правда.

Ланс, все-таки, настоял на том, чтобы девушка вошла в квартиру семьи Боун и не мерзла снаружи. Карен нехотя согласилась, боясь своей навязчивости и бесцеремонности. Глупо, но вежливость и скромность никогда не помешают, тем более девушке.

Дом изнутри был относительно небольшим: двухэтажный коттедж с небольшим балконом на втором этаже и несколькими спальнями. Непонятно было, зачем они есть в нали-

чии, ведь семья Боун состояла преимущественно из матери с сыном. Отец Ланса постоянно был в разъездах и редко появлялся на пороге.

Дом выглядел уютно и приветливо. Приятные светлые цвета обоев, качественный паркет, небольшая библиотека на первом этаже, столовая, две ванны, отличный вид из окон, чистота – все, как в обычном коттедже довольно богатого семейства. Даже немного скучно. Но Карен и так ожидала худшего, так что критиковать не стала, а просто следовала за другом в его комнату.

Навстречу выбежал здоровенный рыжий пес, норовя лизнуть первого встречного. Огромная куча шерсти мчалась, проскальзывая лапами, по паркету. Собака пыталась наброситься с разбегу на оторопевшую Карен, которая не на шутку перепугалась, но Ланс спокойным тоном произнес:

–Колли, сидеть, – приказал он даже нестрого. Собака тут же села, виляя хвостом, и недоуменно посмотрела на хозяйина. – Это гость, – пояснил он ей, указывая на подругу, а Карен сказал. – Не бойся, она добрая, – и повел в свою комнату. Колли взглядом проводила подростков и побежала зарывать кость в саду на заднем дворе.

На стенах в комнате Ланса Карен с удивлением заметила небольшую коллекцию картин. Преимущественно пейзажи, натюрморты и городские виды, но где-то попадались и портреты. Карен с удивлением заметила себя на одном из них. Он висел под самым потолком, а улыбающееся лицо на нем

смотрело на пришедших в комнату гостей смеющимися глазами.

–А ты прекрасно рисуешь, – задумчиво произнесла она. Действительно, ее черты лица были переданы максимально точно. Каждый штрих карандаша был сделан с грацией и плавностью профессионала. Ланс потрясающе передал глаза Карен: большие и радостные.

Друг заметил, что она уставилась на свое изображение, и страшно покраснел. Он уже было потянулся за тем, чтобы убрать картину, но Карен его остановила.

–Я серьезно, ты чудесный художник, – сказала она убедительно. Похоже, Ланс немного успокоился и даже повеселел от такой похвалы в свою сторону. Через секунду он с размаху лихо приземлился на кресло в углу комнаты, ловко подхватив домашний телефон с письменного стола.

–Какую легенду мне придумать? «Сын сломал ногу» или «Мама, я спалил полдома»? – смеясь, предложил он. Карен тут же запротестовала.

–Ты что, действительно собираешься потом ломать себе ногу или сжигать дом, чтобы убедить мать? – усмехнулась она. – О дальнейших действиях подумай. Тут надо что-то безобиднее.

Ланс задумался. Но уже через пару минут без согласования с подругой придумал сценарий и поднес трубку телефона к уху. Карен подозрительно на него покосилась.

–Доверься, она придет, – заверил он, набирая телефон

сотового телефона матери, и установил трубку на громкую связь, чтобы Карен могла слышать весь разговор. Послышались долгие гудки, а через несколько мгновений раздался женский голос, так противный Карен. Ее живот на мгновение будто завязался в тугий узел от волнения.

– Да, Ланс? – произнесла трубка встревоженным голосом. Похоже, сын никогда не звонил по пустякам, тем более в такое позднее время.

– Ма, меня сейчас чуть не сбил грузовик, – сказал он жалобным голосом. Его интонация была очень убедительна. Лансу следовало поступить в театральный вуз, мельком подумала Карен. Но в следующее мгновение, поняв всю глупость придуманного предложения Ланса, Карен выпучила глаза. – Я хотел выйти за мясом к ужину в магазин, а он такой вылетает из-за угла и задевает мое плечо боковым зеркалом, а потом уезжает в неизвестном направлении. Да, я дурак, прости меня, – добавил он для пущей драматичности.

Друзья сразу же услышали ответ:

– Уже еду, – произнесла Маргарет и бросила трубку. Лишь короткие гудки остались собеседниками друзьям. Карен, сидевшая с полуоткрытым ртом, облегченно вздохнула. Ланс ловко прокрутил трубку у себя в руке.

– У нее была травма детства, – пояснил он. – Когда ее выведешь из себя, мама всегда упоминает грузовик, мчащийся с огромной скоростью и превращающий все на своем пути в груду мусора и трупов. Она не хочет, чтобы со мной проис-

ходило что-то подобное, – он покачал головой, – Сумасшедшая у меня мамаша, – Карен понимающе кивнула.

–Но что же делать с рукой? – спросила она, вспомнив, что грузовик должен был его задеть.

Ланс улыбнулся.

–Ударь меня, – коротко произнес он. Карен опешила.

–С ума сошел? – запротестовала она. – Я не могу ударить друга! Тем более, тебя, – ее взгляд опустился в пол от смущения.

–Ой, да ладно тебе, не жалеё меня, – ответил Ланс. – Ненавижу, когда жалеют. Это даже неуважительно.

Карен подозрительно посмотрела на него. Но Ланс только отмахнулся.

–Тебе все равно придется это сделать, ведь я уже сказал матери, – убедил Карен друг. – Так что давай. Мне просто нужен синяк на плече.

Карен подумала и решила, что он прав. Небольшой синяк подойдет для истории Ланса. Тем более, он мог приукрасить события из-за шока.

Она долго не решалась. Ланс уже подставил плечо, чтобы Карен было удобнее. Она в растерянности чего-то ждала. Однако чем больше она ждала, тем скорее приехала бы мать Ланса, а Карен еще нужно было многое сделать. Она размахнулась и ударила. Но так слабо, что Ланс даже усмехнулся.

–От этого ни следа даже не останется, – пояснил он. – Бей костяшками.

Карен еще раз замахнулась. Бить друга ради спасения другого друга. Уму непостижимо!

Второй удар был более удачным. Плечо Ланса немного покраснело, предвещая синяк средних размеров. Боун с усмешкой на лице потер плечо.

– Вот и молодец, – сказал он. – Удар поставлен хорошо, – похвалил девочку Ланс, хотя Карен ни разу в жизни никого не била.

– Она скоро придет, так что я пойду, – сообщила Карен после неловкого минутного молчания.

– Да, конечно, не буду тебя задерживать, – заверил ее Ланс и проводил до двери. Колли радостно выбежала из своей конуры, подбежала к Карен и дружелюбно лизнула руку. – Что бы ты там не затеяла, надеюсь, ты принимаешь верное решение, и у тебя все получится. Удачи, – пожелал он на прощание.

Карен еще раз поблагодарила Ланса (наверное, уже в сотый раз) и побежала продолжать совершать пункты своего плана.

Руперт в машине ждал дочь у перекрестка неподалеку. Он уже начал беспокоиться, но вскоре увидел подбегающую к дверям машины запыхавшуюся дочурку. В голове у него все еще осталась капля сомнения по поводу того, что они соби-

рались делать, но Руперт с успехом подавлял желание не довести до конца все затею.

Карен, запыхавшись, ввалилась в салон автомобиля.

– Ну, что? – спросил отец. – Все в силе? Он позвонил?

– Да, – переводя дыхание, ответила Карен. – Едем в больницу.

Отец надавил на педаль газа, и они помчались вперед. Свет от горящих окон домов сливался в сплошные линии от скорости. Светофоры не имели большого значения для отца с дочерью. Да и было, наверное, уже около четырех часов ночи, поэтому машин на улицах не попадалось. Погода была прекрасная: снег прекратил идти в первый раз за несколько дней, и это казалось таким непривычным событием. Карен вспоминала первый снежный день с Кимом, пока они ехали к месту назначения.

Стоуны быстро доехали до парка рядом с лечебницей и припарковались неподалеку. Нельзя было выдавать свое присутствие.

Карен с отцом прокрались сквозь деревья. Психиатрическая лечебница №7 почти не подавала признаки оживленности. Только одно окно в углу здания горело желтым свечением. Карен пригляделась.

В окне наспех собирала вещи Маргарет Боун. Она спешила к своему сыну, зная, что с ним приключилось несчастье. Руперт посмотрел на дочь и коротко кивнул, говоря этим, что она проделала большую работу, благодаря ее другу. Его

лицо было серьезным до неузнаваемости. Губы сжались в тонкую линию, брови нахмурились, а в глазах была видна решительность. Стоуны собирались преступить закон.

Вскоре Марго выбежала из больницы, попутно напяливая шапку. Растрепанные волосы никак не хотели собираться в пучок и лезть под шапку. Забросив эту затею, она села в свою машину и громко стартовала, визжа шинами. Через мгновение ее уже не было видно.

Пора.

Карен с отцом выбежали из своего укрытия и помчались к калитке. Луна не озаряла город, а пряталась за тучами, поэтому их было почти что не видно. Темень.

Калитка, конечно же, была закрыта. Но Карен знала, что через нее перелезть очень даже возможно, припомнив свою первую встречу с узником психиатрической лечебницы. Руперт, в отличии от Сталлена, бесшумно приземлился на обратной стороне решетчатого забора. Теперь наступила очередь Карен.

Она грациозно подпрыгнула на горизонтальном железном пруте, который соединял вертикальные, схватилась рукой за пику, другой ногой зацепилась за верхнюю перегородку, ловко перевернулась и киношно приземлилась на одно колено. Отец поднял одну бровь и удивленно прошептал:

—Где ты этому научилась?

—У меня было много свободного времени, когда ты уезжал на работу, — одними губами прошептала дочь, довольно улы-

баясь. Отец только покачал головой. Они продолжили двигаться к дверям лечебницы.

Из больницы раздался истошный крик.

Маргарет находилась в довольно сильном состоянии эйфории. После того, как Сталлен сбежал из больницы, ей урезали почти всю зарплату, а, когда медсестра его нашла, все вернулось на свои места. Где она только его не искала.

Марго обходила все больницы и морги (в надежде на то, что найдет беглеца в последних заведениях, она даже отправлялась в соседние города), обзвонила все полицейские участки и просила помочь, но ей либо не верили, либо ничего не предпринимали, либо обещали помочь в «скором» времени. Ей ничего не оставалось делать, кроме как расклеивать листовки с психопатом, моля граждан города о помощи. Но кто-то их содрал, и Марго могла поклясться, что это неспроста.

Она уже готова была опустить руки, но тут начался учебный год, и ее сын упомянул, что его одноклассница завела нового знакомого, и по ее словам ему было «немного больше, чем сорок пять». Он вообще очень часто говорил о ней, этой Карен Стоун. Она заинтересовалась.

Тогда она начала слезку. Узнав адрес девочки, она каждый день подъезжала на своем красном седане к подъезду ее

дома. И вот однажды он появился. Весь такой счастливый и свободный, что Марго даже сморщилась от презрения. Рядом с ним она заметила...

Так вот, кем была эта Карен Стоун! Так вот, почему она показалась ей знакомой, когда впервые увидела ее тогда, у больницы. Сразу в мозгу злорадно промелькнуло: «Лгунья. Соврала, что не знает ничего о сбежавшем пациенте, перед полицией! Уму непостижимо!»

Она подъезжала к подъезду еще несколько дней подряд и, когда заметила, что все жители квартиры куда-то уехали, пробралась в квартиру, удостоверилась в том, что психопат вернется сюда, позвонила в полицию и сообщила обо всем. Копы на этот раз приехали незамедлительно. Так и произошло задержание сбежавшего пациента.

Она была горда собой. Сейчас ее гордость раздувала Марго до размеров воздушного шара. Она проделала такую огромную работу самостоятельно! Наконец-то судьба повернулась к ней лицом, а не... спиной.

В кармане куртки завибрировал телефон. Маргарет Боун очнулась от блаженных мечтаний о счастливом будущем и наслаждения от совершенного поступка. Сталлен сидел тихо в своей палате с того времени, как только оказался за входной дверью лечебницы. Это еще один положительный момент. Он даже не сопротивлялся!

Марго раздражительно трясла куртку в поисках дырки кармана и, в конце концов, нашла ее. На экране мобильни-

ка тускло светилась надпись «Дом». Ланс? Странно. Просто так он бы не позвонил.

–Ма, меня сейчас чуть не сбил грузовик, – донеслось из трубки. Марго прикрыла рот руками. Воспоминания нахлынули в ее мозг, и остальную часть пути домой она практически не помнила. Знала только, что безумно долго собиралась из-за того, что руки очень сильно дрожали. Материнский инстинкт – сильная штука. Наконец, встревоженная Марго схватила куртку и побежала к машине, после чего мчалась к дому, как сумасшедшая.

Улицы мелькали, проносясь мимо седана Марго. В голове запищал подозрительный голосок: «Зачем Ланс в такую темень вышел на улицу? О чем он только думал? Надеюсь, с ним все в порядке». Марго успокаивала себя мыслью о том, что он позвонил ей самостоятельно, а не с помощью услуг медсестры какой-нибудь поликлиники. Значит, с ним все более-менее в порядке. «И почему это произошло так скоро после того, как Сталлен наконец-то был пойман? Это чтобы жизнь медом не казалась, да?» – спросила она мысленно у кого-то еще. Этот кто-то, по ее мнению, должен был обязательно знать ответы на все вопросы. Но он молчал.

Когда встревоженная мать приехала к своему коттеджу, с момента выезда из больницы прошло не более десяти минут. «Это хорошо», – подумала она. Марго выбежала из машины и подлетела на крыльях заботы к дверям. Боун застучала что есть мочи, отпихивая колли, которая начала ласково тереть-

ся о брюки хозяйки.

–Ланс! Открой! Что с тобой! – кричала она в истерике. Ланс почему-то не спешил. «Может, с ним, все-таки, что-то серьезное?» – никак не выходило из головы Марго, пока Ланс не открыл дверь и не заблестал ослепительной улыбкой перед лицом матери.

–Ма, что ты так ломишься? – спросил он и еще шире улыбнулся. Маргарет тут же принялась оглядывать мальчика: руки на месте, ноги тоже, на голове никаких повреждений нет. Стоп...

Почти тот же день, что и приезд Сталлена под конвоем полиции. Карен Стоун – одноклассница Ланса, к которой ее сын, скорее всего, неровно дышит, и подруга Сталлена. Никаких серьезных травм сына.

Марго потихоньку складывала в мозгу все части мозаики. Ее брови нахмурились, а лицо изменилось из испуганного выражения в серьезное. Ланс протянул матери плечо, показывая жалкий синяк, который просто не мог быть из-за того, что в руку врезался целый грузовик. Сын же знает о ее паническом страхе быть сбитой...

Ее глаза расширились. Она внезапно поняла всю ироничность судьбы. Сомнений быть не могло.

Тут же в лицо мальчику влетела крепкая ладонь, от которой тот даже пошатнулся. Улыбка слетела с его губ вмиг.

–Ты! – сквозь злобу проговорила она, сжав зубы. – Мелкий засранец!

Она резко развернулась и быстрым шагом направилась к машине. Ланс смотрел матери вслед и тер лицо рукой. Щека горела так, будто к ней приложили раскаленным утюгом.

«Даже сын предал меня, предпочтя какой-то девчонке!» – молотком стучало в голове у Боун.

Ким Сталлен думал. Но все никак не мог придумать, как же выпутаться из паршивой ситуации. Он несколько месяцев прожил на свободе и теперь не собирается так просто сдаваться. Ему еще многое предстояло сделать. Пациент не все чувства пережил в своей жизни. Ким искренне надеялся попробовать такие, как «состариться в милом и уютном домишке» или «жениться на старости лет». А сколько всего он не показал и не рассказал Стоунам!

Ким сдаваться не хотел. Поэтому в его голове уже почти что созрел новый план побега. Правда, он был гораздо сложнее и опаснее первого, но все же лучше, чем сидеть здесь. Все или ничего. План был полон сумасшествия. «В моем стиле», – подумалось Киму.

Сталлен не стал откладывать на потом и начал подготавливаться. Хорошо, что пол был деревянным и почти прогнившим насквозь. Пациент сел в углу своей палаты и начал ковырять одну из гнилых досок. Вначале ничего не удалось: то ли влажности недостаточно, то ли пальцы от хо-

лода не слушались. Наконец-то половица поддавалась, и Ким проделал небольшую дырку, потом щель. Немного расшатав доску, он взял тарелку, которую оставили в палате с обеда, и вытряхнул ее содержимое на пол в другом углу. Сделана тарелка была из металла, хоть и с тупыми краями, но ее вполне можно было использовать. Ким вставил ее в проем между досками и начал еще сильнее их расшатывать.

Через несколько минут половицу можно было выдернуть голыми руками. Держалась она на гвоздях, что очень подходило Киму. Его план был почти что идеален. Правда, не хватало кое-какой детали. Очень важной детали.

–Начальник! – закричал он во все горло через щель в двери. В соседних палатах недовольные пациенты начали подавать признаки жизни: кто-то застонал, кто-то зашипел, кто-то начал шепотом повторять «замолчи», а кто-то тихонько застучал по двери. Романтика...

Подбежавший к двери надзиратель был не на шутку перепуган.

–Ты чего это раскричался, Сталлен? – зло прошептал молодой голос в щель. Видимо, ему не по душе было находиться среди такого рода шума. Ким расплылся в улыбке.

–Мне скучно и одиноко, – начал пороть чушь он. Главным сейчас было немного потянуть время, пока, словно невидимой волной, смывало сон в соседних палатах. Вскоре весь первый этаж тихо загудел.

–Издеваешься? – надзиратель был не на шутку перепуган

стонами психов. Тем более, ночь для этого – не подходящее время. «Новичок, – подумал Ким. – Повезло. Надеюсь, не последний раз за вечер».

–Нет, что ты, – жалобно ответил заключенный. – Мне правда тут очень одиноко. Я хочу поиграть с тобой в одну игру... – уже злобно прошептал он в узкую щелку.

–Не буду я с тобой играть, сиди тихо! – негромко стукнул охранник резиновой дубинкой по двери. Ему не хотелось лишних неприятностей. Еще не справится, а потом от начальника влетит.

–Ах, та-а-ак! – прошипел Ким. – Ну ладно. Раз здесь не хотят уделять малейшего внимания пациентам... – он протянул паузу, ожидая момента и предвкушая эффект следующего поступка. Через щель на него выпучились испуганные глаза охранника. – БУ-У-У-УНТ! – неожиданно заорал он прямо в лицо надзирателю. Тот отшатнулся от сумасшедшего в ужасе.

То, что надо. Эффект неожиданности и громкости произвел сильное воздействие на окружающих, на что и надеялся Сталлен. Было ощущение, будто Ким пустил вторую волну, которая пробуждала пациентов ото сна. Если кто расслышал слово «бунт», то он тоже начинал выкрикивать его, потом следующие и следующие пациенты по цепочке. Даже психопатам нужно разнообразие в образе жизни. А как еще лучше повеселиться, кроме как не взбунтоваться?

Возгласы раздавались все громче и громче, превращаясь

в какофонию звуков. Кто-то слева закричал настолько высоко, что барабанные перепонки Кима чуть не лопнули. «Бунт! Бунт! Бунт!» – скандировали сумасшедшие. Уже и со второго этажа доносились истошные крики. И с третьего. Киму казалось, что здание наполняет прекрасная музыка, ведь она может спасти его от заключения. Голоса сливались в один, но ни один не был похож на другой: каждый кричал в своем темпе, своей тональности и со своей громкостью. Здание истерично жужжало с невообразимой громкостью, будто улей пчел тряхнули, ударив по нему бейсбольной битой.

Надзиратель в ужасе и панической растерянности озирался по сторонам, повернувшись спиной к двери заключенного, который поднял восстание. Новичок не знал, что же делать ему теперь, как всех успокоить. Он уже сам готов был закричать. Пользуясь его замешательством, Ким ловко подпернул гвоздем на палке связку ключей у него на поясе и незаметно стянул ее внутрь палаты. Быстро схватив ключи рукой, он тут же высунул их через дверную щель и вставлял в замок по одному. Связка была приличного размера, увесистая, поэтому он возился с ключами довольно долго. Достаточно долго для того, чтобы надзиратель понял, что происходит.

–Эй, ты что творишь? – завопил он не своим голосом, который потонул в шуме других. Надзирателю уже порядком успела надоесть эта работа и, скорее всего, он уже обдумывал текст увольнительного заявления.

Ким все никак не мог найти подходящий ключ. Руки тряслись, а мозг работал на критическом уровне. Охранник занес дубинку над головой, чтобы посильнее ударить Кима по кисти руки.

Вот он. Ключ провернулся, замок щелкнул, и Ким резко пнул дверь коленом. Руку он успел выпрямить, и она прошла сквозь щель обратно в палату. Иначе бы рука была сломана. Надзирателю же повезло меньше. Увесистая дверь прилетела ему прямо в лоб, который от удара сильно покраснел и опух. Пошатываясь, охранник схватился за лоб.

– Не надо было делать металлические двери, – по слогам произнес Ким, ударив доской (обратной от гвоздя стороной, конечно) надзирателю по голове, чем и вырубил его.

Надо было спешить. Скоро должны были подбежать остальные охранники, а с ними Ким в одиночку уже вряд ли бы справился. Он сжал спасительную связку в руке.

– Не подведите меня, – сказал он то ли своим чувствам интуиции, то ли связке ключей, то ли оравшим пациентам. Подбежав к соседней двери, он вставил в замок ключ, идущий следующим после ключа от его палаты. Удивительно, но он легко повернулся внутри, и дверь отворилась. Из нее тут же из палаты то ли с лаем, то ли с ором, то ли с львиным рыком вылетел худой мужчина в лохмотьях и врезался в Кима, повалив его на спину. Тот растерялся и зажмурил глаза от страха. Мало ли, что с ним может сделать этот псих?

Сосед, похоже, не собирался агрессивно действовать. На-

оборот, он даже лизнул лицо Кима шершавым сухим языком и с диким криком, в котором Ким услышал слово «свобода», побежал наворачивать круги вокруг спасителя. «Слава Богу», – подумал Ким, подозрительно косясь на радующегося, как ребенка, мужчину, и принялся открывать следующие двери. Никто на него не нападал, чувствуя в нем «своего», спасителя. С каждой открытой дверью раздавались одобрительные крики со стороны уже освобожденных пациентов, а новички радостно кто прыжками, кто ползком, кто бегом присоединялся к толпе. К тому моменту, как Ким закончил открывать последнюю дверь на первом этаже, в его «армии» набралось около полусотни психов. «Это будет весело», – злорадно подумал он.

На лестнице послышался недовольный крик, едва слышимый за этим оглушительным ором.

–Ма-а-а-айк! Ты чего там устроил?

Майк, похоже, все еще не пришел в сознание. Ну, или он просто лежал лицом к стене, стараясь не шевелиться из-за страха быть разорванным толпой сумасшедших. Несколько, кстати, уже подошли к нему и с энтузиазмом пытались порвать его одежду.

Дверь на лестничную клетку отворилась. В нее вошли трое надзирателей с дубинками в руках.

–Что за чертовщина здесь происходит? – произнес один из них, самый высокий, но сразу же запнулся, увидев толпу сумасшедших. Двое других охранников пооткрывали рты.

Наступила тишина. Все сумасшедшие разом прекратили кричать. Более сотни глаз пристально смотрели на вошедших гостей: озлобленные, напуганные, решительные, безумные, усталые и энергичные. Охранники невольно поежились, понимая, что сейчас будет не очень хорошо. Никто из сумасшедших даже не пискнул, пока Ким не сказал то, что мечтал сказать очень, очень давно:

–Бейте надзирателей! – закричал он не своим голосом. Толпа взвыла. Кто кричал, кто бил себя по груди, кто топал ногами, кто ошарашено бегал глазами вокруг – главное, что в следующее мгновение абсолютно все пациенты кинулись на опешивших надзирателей, которые со всех ног пустились по лестнице вниз, побросав бесполезные в данной ситуации дубинки.

Психиатрическая лечебница превратилась в сущий ад. Все этажи радостно кричали, подбадривая первый этаж, который гонялся за мучителями в порыве лютой ярости, желая отомстить за издевательства персонала над пациентами. Уже никто не спал, все кричали, топали и стучали по дверям своих палат. Самое страшное было в том, что света не было нигде. Вся лечебница была погружена во мрак, наполненный ором и безумием. Скорее всего, надзиратели больше никогда не смогут работать тут, как и медсестры, которые попрятались по шкафам и кабинетам. Чистейшее сумасшествие.

Ким все боялся быть растоптанным. Но неожиданно его подняли на руки и понесли по лестнице вниз. Странное ощу-

щение, когда тебя несет толпа сумасшедших пациентов. «Надо будет записать его, как новое чувство, – подумал сам недавно заключенный в палату пациент. – Очень даже неплохое ощущение». Сейчас он был героем для всех этих людей. Толпа благодарно вынесла Кима к выходу из больницы и погналась за бегущими по первому этажу надзирателями. Может быть, и не такие уж они и сумасшедшие?

Ким победно распахнул дверь и посмотрел на ночную улицу. Крики позади затухали, впереди была темень, как и в здании, а холодный ветер дохнул Сталлену в лицо. Второй раз он ощутил себя истинно свободным.

Немного взглядевшись во тьму, он заметил странную картину. Две фигуры – одна низкая, другая высокая – стояли неподалеку от больницы, боясь шелохнуться. Когда Ким подошел ближе, он увидел, что у Стоунов от удивления раскрыты рты, и их взгляды направлены на гудящую и вопящую лечебницу.

–Э-это все ты? – заикаясь, спросила Карен. Руперт закивал, поддерживая вопрос дочери.

–А кто же еще, – хмыкнул Ким и сам полюбовался проделанной работой. Все-таки, это было потрясающее чувство – ощущение свободы.

Они беспрепятственно открыли калитку изнутри и вышли наружу. Стояла прохладная погода, хоть на небе и не сияли звезды, а позади троицы кричали психи. «Романтика», – снова подумалось Киму.

Второй раз сбежавший пациент вдохнул полной грудью.

Свет. Даже два. Они приближались к нему с невообразимой скоростью и шумом мотора. Через мгновение Ким сообразил, в чем дело.

Он с быстротой кошки отчаянно толкнул опешивших и еще не пришедших в себя Стоунов прочь с пути автомобиля, за рулем которого сидела женщина с растрепанными белыми волосами, озлобленным белоснежным оскалом и ненавидящим взглядом.

Глухой стук. Лежащая на траве Карен зажмурила глаза, но Руперт видел, как тело Кима сделало несколько оборотов в воздухе, перелетело через машину и жестко упало на асфальт.

Машина проехала чуть дальше и врезалась в забор на огромной скорости. Он согнулся, будто пластилиновый, и его верхняя часть с силой гиганта ударила по крыше машине, смяв ее, как консервную банку. Из лобового стекла салона окровавлено улыбалась мертвая медсестра Маргарет Бун. Из капота шел дым.

Стоуны сорвались с места и подбежали к еле дышащему Киму. Карен осторожно перевернула его.

Ярко-голубые глаза посмотрели на девочку. В них была жизнь. Какая там смерть, о чем вы говорите? Они светились энергией. Наверное, в последний раз.

–Карен, – дрожащим шепотом произнес Ким. Его губа была разбита, а над бровью начинала течь струйка крови.

– Не умирай, Ким, – словно ребенок, просила его Карен. Глаза Руперта заслезились. Карен заплакала навзрыд, беспомощно крича. – Ты не можешь умереть!

– Послушай же ты меня, – слабо прошептал Сталлен, перебивая девочку. Его рука судорожно схватила плечо Карен. – Каждому нужно ощутить эту чувство, слышишь меня? – он закашлялся кровью.

– Что за чувство, Ким? О какой ерунде ты говоришь в такой момент! – продолжала кричать Карен. Она всеми силами пыталась отогнать плохие мысли. – Мы сейчас вызовем скорую помощь, и все будет хорошо, обещаю!

Ким усмехнулся.

– Ерунда? То есть все, чем я занимался, вся моя жизнь была ерундой? – Сталлен выдавливал слово за словом. – Посмотри на себя: сильная, как всегда. Даже сейчас веришь, что все будет хорошо. Будь такой всегда, – сказал он. – Послушай, я открыл лучшую эмоцию в жизни. Я выполнил свое предназначение. Теперь ты должна понять меня со всей серьезностью, – он снова закашлялся. Его последние минуты кончались, – Это чувство – чувство от помощи людям, – он слабо улыбнулся. Кровь на его зубах придавала улыбке странную жалость. – Благодарность. Вы помогли мне, так что не забывайте помогать другим несчастным. Тогда мир станет лучше и светлее.

Карен зарыдала еще сильнее. Руперт проглотил огромный ком в горле. Он не мог смотреть на плачущую дочь так же,

как и на умирающего лучшего друга.

– Руперт, – обратился он к отцу семейства. – Ты должен беречь свою дочь, это ты и так знаешь, – он улыбнулся еще шире, но в следующее мгновение нахмурил брови. – Не вздумай удерживать эмоции в себе, – он посмотрел опять на Карен. – Это и к тебе относится, юная леди. Вы должны помогать друг другу. Вдвоем против всего мира.

Карен не могла поверить в происходящее. Почему он умирает? Девочка в глубине души понимала, что ему уже ничем не помочь, но отказывалась в это верить. Руперт пошарил по карманам.

– Ким, – сказал он. – Может, хочешь покурить?

Ким с огромной благодарностью и уважением посмотрел на него, протягивающего пачку сигарет.

– Не откажусь, – ответил Сталлен и показал на свою правую ступню. – Там у меня зажигалка.

Руперт нагнулся и достал из потайного кармана носка Кима старую зажигалку.

– А вы знаете, – начал он. – Эта зажигалка уже как-то освободила меня из психиатрии. Знаю, вы бы тоже это сделали, если бы я вас не опередил, – он с усмешкой показал зажигалку Руперту. – Пусть она останется у вас. Какое все-таки странное совпадение, что вы пришли в тот же миг, когда я сбежал.

После этого Ким поднес огонек к сигарете во рту. И затаился. Последнее слово, которое вылетело из уст свободного

человека, было очень ироничным в такой ситуации.

– Живите, – прошептал Ким. Сталлен не понял, дым ли это от сигарет, или это уже смерть пришла забрать его. Дымка окутала окружающий мир, будто одеялом, а в следующий момент все вокруг расплылось и исчезло во тьме.

Эпилог

-Сталлен!

Незнакомый потолок. Странно, что он до сих пор незнаком пациенту, ведь Сталлен прогнивал в этом проклятом месте уже несколько лет. Старая, пожелтевшая от времени побелка должна была вот-вот отвалиться, просыревшие обои в углах норовили отклеиться, а в центре потолка висела тусклая лампа. Голова болела после вечернего приема препарата, ноги не слушались, стены палаты, казалось, пошатывались. В ушах стоял тихий гул, а во рту будто справили нужду несколько сотен кошек.

– Время завтрака, Сталлен, – раздался нетерпеливый голос из-за двери. Похоже, надзиратель уже потихоньку приходил в бешенство. – Мне еще полбольницы будить!

– Успокойся, – недовольно пробурчал Ким. – Сейчас выйду.

Надзиратель, как показалось Киму, удовлетворился ответом, после чего ушел будить остальных. Пациент палаты №36 проснулся окончательно.

Первым делом он принялся заниматься зарядкой. Размяв онемевшие ступни, потом колени и поясницу, Сталлен судорожно вспоминал ЧТО-ТО. Это «что-то», похоже, было чем-то важным, но пациент никак не мог вспомнить, почему. Вроде, ночью ничего не случилось после того, как ему вкололи проклятое лекарство. Да и как могло с ним что-либо произойти, если Ким был без сознания?

Пациент закончил разминать кисти рук и принялся за шею. Он поворачивал голову из стороны в сторону, разминая каждый шейный позвонок. «Что же, все-таки, изменилось?» – спросил он себя.

На завтрак не было ничего съедобного. Черствые кексы и неперевариваемое желе с холодным чаем из пакетика – деликатесы! Пока Ким жевал (скорее, пытался раскусить) чертовую булку, к нему подседа женщина лет шестидесяти. Ее голос звучал, как шепот ветра.

–Сегодня пошел снег ночью, – прошептала она. Ее волосы были тронуты серебром прожитых лет, а глаза постоянно смотрели в одну точку на стене. Сара всегда была со странностями для обычных людей, но не для постояльцев лечебницы. Здесь она даже более чем нормальная.

–Ты что, Сара, на улице август! – возразил Ким. Сумасшедшая посмотрела на него, как на безумца.

Сара вытянула руку и указала на окно.

–Разве ты не видишь снег? – спросила она Кима. Тот взглянул наружу. На газоне вокруг больницы и вправду ле-

жал тонкий слой снега. Снеговика, конечно, не слепишь с таким количеством, но в снежки Ким бы поиграл.

– Сейчас декабрь, как и ночью до этого, – убеждала она друга. Почему же Киму казалось, что сейчас середина августа? Странное чувство неправильности преследовало его с самого утра.

Сара покачала головой.

– Сбился со времени, у меня такое постоянно, не беспокойся, – заверила она ошарашенного друга. – Ты привыкнешь.

Но Ким не слушал ее. Она точно была не права, сейчас не мог быть декабрь. Ведь тогда...

Остаток дня Ким провел в терзаниях. Он никак не мог понять, что же его гложет, мучает. Странное чувство, будто что-то шло не так. Неправильно.

После обеда начинался дневной прием лекарств. Пилули, капсулы, таблетки, сиропы и настойки – все в полном наборе ждало своих пациентов. Сталлену даже казалось, что он может наестся одними приемами лекарств в этом проклятом месте.

Длинная очередь выстроилась к приемному окошку. Ким встал сразу за Сарой, которая нервно терла руки. Она всегда нервничала, когда наступало время приема.

– Не беспокойся ты так, – посоветовал Ким. – Ведь это не ночная доза препаратов.

– Да я и не из-за этого беспокоюсь, – объяснила она.

Ким удивленно посмотрел на подругу. – Просто понимаешь, здесь так много людей... – она застыла, бегая глазами по лицам. – Но я не вижу никого.

– Ты ослепла? – испуганно спросил подругу Ким. – Может, принести глазные капли?

– Нет, нет! – громко застонала Сара. – Просто людей много, но нет НИКОГО. Все пусты!

С последним словом Сара ударила ногой по полу и, толкнув Кима, убежала в свою палату. Сталлен так до сих пор и не привык к ее небольшим заскокам.

Из окошка пискляво раздалось «№36!», и Ким подошел к нему. Из-за стекла на него озлобленно смотрела женщина, которая выглядела лет на двадцать пять благодаря макияжу и ежедневному уходу за кожей. Ей пока что удавалось обмануть время, но глубокие морщинки в уголках глаз давали понять, что возраст женщины не менее тридцати. Блондинка с холодными синими глазами злобно смотрела на пациента, протягивая ему стаканчик с лекарствами и с водой.

– Быстрее! Рука устает, – капризно сообщила Марго. Ее глаза сузились от презрения. Видимо, ей уже чертовски осточертела эта работа. – Пей!

Ким покорно принял стаканы, с трудом проглотил все нужные лекарства и выпил залпом воду. Потом он посмотрел на Марго Боун. В его голове ясно и четко промелькнуло «авария», но тут же это слово улетело в небытие. Ким почувствовал, что почти что уловил нить разгадки сегодняш-

него его состояния, объяснения ощущению неестественности происходящего, но снова упустил. Ощущение дежавю не покинуло его, а на миг лишь усилилось многократно.

– Не задерживай очередь! – пропищала Марго застывшей Сталлену, указывая на толпу позади него. Там уже начинали нервничать остальные пациенты: у кого-то бегали глаза, кто-то судорожно ломал себе пальцы, кто-то схватился за голову. Как же легко выбить их из равновесия, просто пошатнув их расписание. Ким вытряхнул из головы странные мысли и отошел. Почему же все такое неправильное?

Вечер. Приближался момент принятия препарата. Ненавистная пациенту процедура дожидалась своей минуты. И вот настало то самое время. Страх – вот все, что чувствовал Сталлен.

Сидя в углу пустой комнаты старой психиатрической лечебницы, Ким прислушивался к малейшему подозрительному звуку. Может ничего не произойдет, и медсестра вообще забудет число 36?

Шаг. Еще один.

Стук ярко красных каблучков доносился из коридора, на противоположном конце которого находилась дверь, ведущая в палату Кима. Он приближался с каждой секундой, и Ким не знал, что ему делать. Если бы можно было как-то сбежать...

Цифры 36 криво висели на двери, ведущую в палату, где сидел, скорчившись, Ким Сталлен. Каблуки прекратили свое

цоканье прямо перед этим числом.

–Мистер Сталлен, откройте двери, и мы начнем лечение, – раздался слащавый голосок медсестры. – Я открываю, – и в замке щелкнул ключ.

В проеме стояла медсестра. Ударив своим острым коготком по шприцу и выпустив из него лишний воздух, Марго резко обратила свой взгляд на Кима.

–Сидите смирно, и я проведу всю работу быстро, – строгим, тихим голосом произнесла она. Ким сморщился, но медленно, с опаской протянул медсестре руку.

–Вот и славно! – тут же заулыбалась она. – Я знала, что вы молодец.

Эта фраза прозвучала неестественно сладко, да так, что Ким сморщился еще сильнее. Марго поднесла иглу к глазам. Струйка «лекарства» вяло вылетела из шприца. Через несколько минут после укола в глазах Сталлена все помутнело, и он провалился в забытье. В последнюю секунду слово всплыло в его разуме. Это слово эхом раздалось внутри его головы.

Живите.

В нескольких километрах от этого места по улице неторопясь шел мужчина лет тридцати семи. Коричневый в клетку пиджак, застегнутый наполовину, развевался на ветру.

Пятнадцатилетняя дочь того мужчины, уткнувшись лицом в мягкое одеяло, сладко спала в это время в своей кровати.

А на улице загорался рассвет.